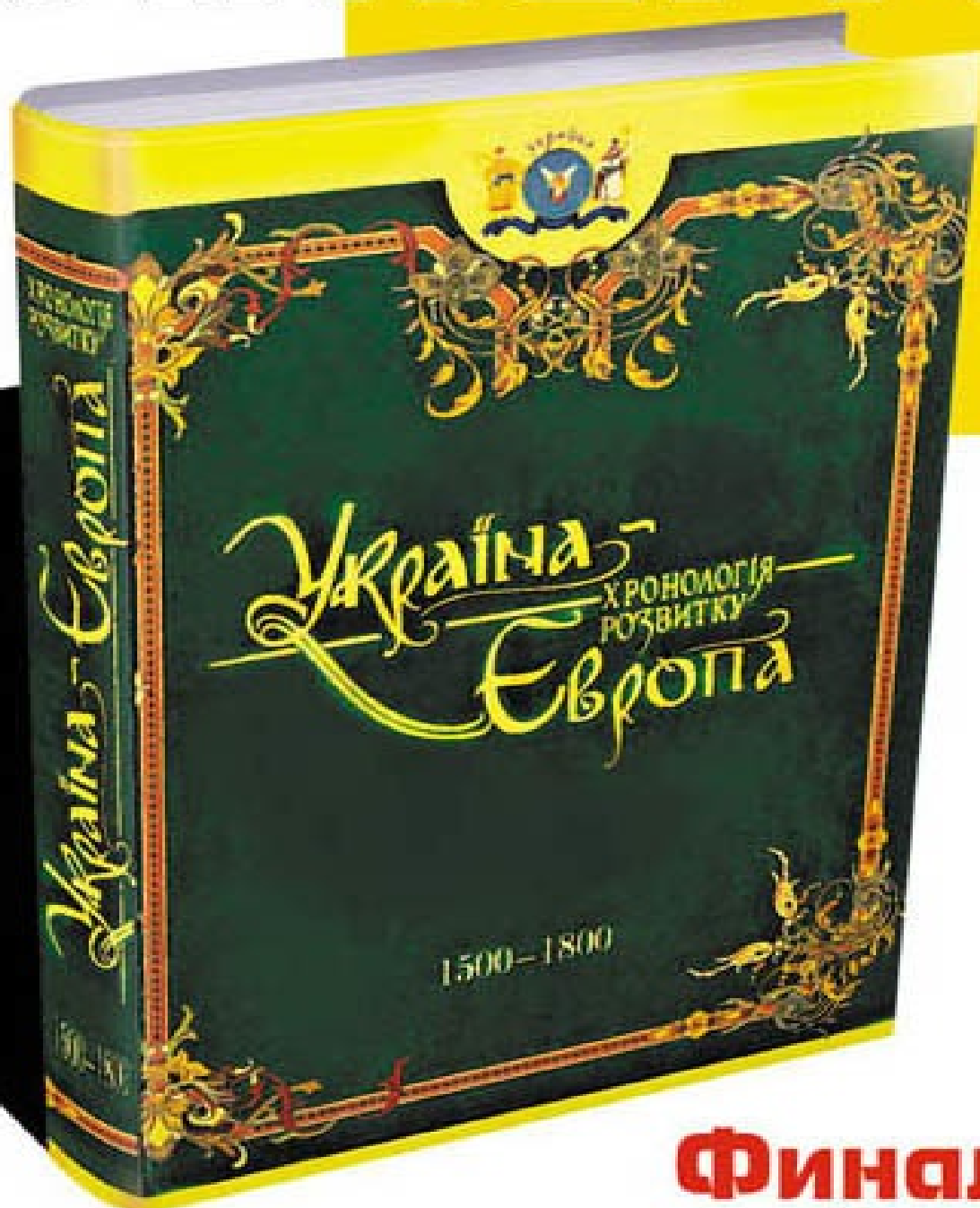

АНТИМАЙДАН
БРАТ НА БРАТА

Сергей
Бунтовский

УКРАИНСКАЯ ХИММЕРА

**Финал
антирусского проекта**

Сегодня на землях бывших Малороссии и Новороссии разворачивается заключительный акт драмы под названием «украинский проект». Украинство, родившееся много лет назад как теоретическая концепция по расчленению России, обрело плоть и обернулось кошмарной реальностью.

Новейшая история Украины – не просто пример духовной деградации и национального безумия. Это закономерный итог полуторавековой спецоперации Запада по переформатированию сознания миллионов людей с целью превратить Малороссию в форпост европейской агрессии против России.

Новая книга ведущего политолога Новороссии, объявленного в Киеве террористом и идеологом русского движения, – лучшее противоядие от украинской отравы и приговор дегенеративному недогосударству, обреченному стать «пушечным мясом» для очередного «крестового похода на Восток».

- [Сергей Бунтовский](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Рождение Украины](#)
 -
 - [Донецко-Криворожская республика](#)
 - [Крым](#)
 - [Гетман на час](#)
 - [Директория](#)
 - [Красное наступление](#)
 - [Белая гвардия](#)
 - [Возрождение Польши](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Советская украинизация](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Сергей Бунтовский

Украинская химера. Финал антирусского проекта

© Бунтовский С., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Введение

Сегодня на землях исторических регионов Малороссии и Новороссии разворачивается заключительный акт драмы, которая началась много лет назад. Украинство, родившееся как теоретический антирусский политический проект, в начале этого века обрело плоть и обернулось кошмарной реальностью. В результате еще недавно цветущая советская республика стремительно деградировала, сознание ее жителей извращалось, и вот мы увидели закономерный финал украинского проекта – рождение откровенно фашистского режима, развязавшего кровавую войну со своими же гражданами.

Можно было бы сказать, что нас не касаются проблемы соседей, однако Россия не может быть в стороне. Во-первых, там сейчас льется кровь наших соплеменников – русских людей, не пожелавших склонить головы перед врагом. Во-вторых, Украина стала полигоном, где западными политтехнологами обкатывались социальные и политические технологии по реформатированию сознания и свержению законной власти. Опыт, полученный западными спецслужбами на берегах Днепра, несомненно будет использован и против России. Так что нам нужно внимательно изучить, что же произошло с Украиной, чтобы и наша страна не разделила ее печального опыта. Нам нужно найти противоядие от духовного яда, который извратил сознание жителей южной Руси, заставил их забыть свои корни и превратил в слепых исполнителей чужой воли.

В-третьих, огромная территория между Польшей и Россией имеет слишком важное геополитическое положение, чтобы закрыть глаза на происходящее там. Ведь если неонацисты на Украине окончательно победят своих оппонентов и подчинят себе ресурсы этой страны, то очень быстро их агрессия перехлестнет через государственные границы. Причем ни для кого не секрет, в какую сторону бросятся современные почитатели Бандеры. Они будут атаковать Россию! Об этом неоднократно публично заявляют как рядовые боевики, так и высокопоставленные киевские политики. Поэтому волей-неволей, но нам ради собственной безопасности необходимо понять, как на наших границах возник этот голем и что с ним делать.

Так что давайте попробуем разобраться, что же такое Украина, как она возникла и какое будущее ее ждет.

Самый главный вопрос украинской истории – с какого момента она началась? Если писать историю украинского народа, то уж очень коротким выйдет рассказ, ведь только в середине девятнадцатого века впервые прозвучала мысль о том, что украинцы являются отдельным народом. Для национальной гордости такая куца история – факт неприятный, поэтому национально сознательными авторами используется другой принцип: все, что происходило на территории современной Украины, – ее история, а все люди, жившие в ее современных границах, – украинцы.

В результате выходят казусы вроде уже неоднократно высмеянной всеми историками фразы из школьного учебника, гласящей: «Древнейший период в истории украинского народа длился около 140 тысяч лет». Вдумайтесь, сто сорок тысяч лет! И это только древнейший период! Потом, очевидно, были и не менее продолжительные периоды? Автора совершенно не смущает тот факт, что современный человек как вид появился только сорок тысяч лет назад. То есть если верить уважаемому автору, выходит, что украинцы появились раньше кроманьонцев. Разумеется, это бред, но напечатанный в официальном школьном учебнике,

он несет разрушительные последствия: дети начинают верить в байки, а история из науки стремительно превращается в мифологию. Причем зачастую создатели новой «украинской истории» вкладывают в головы своих читателей не только сказки о придумавших колесо древних украх, но и крайне правые, русофобские политические воззрения.

В итоге выросло поколение, которое с детства слышало о многочисленных украинско-русских войнах, которым вбили в голову ненависть к России, которую назвали причиной всех бед Украины. Неонацизм и ненависть к русским планомерно вращивали в обществе, что не могло не закончиться трагедией. Зимой 2013/14 года это зомбированное поколение вышло на улицы городов и под руководством опытных кукловодов начало бороться за якобы свои идеалы, не понимая, что этим уничтожает собственную страну.

Рождение Украины

В тринадцатом веке единое древнерусское государство из-за внутренних междоусобиц и нашествия монголов оказалось разорванным на десятки отдельных княжеств. Воспользовавшись этим, Польское королевство захватило Галицию, а Великое княжество Литовское – Волынь, Киевщину и Черниговскую землю. В 1569 году Литва и Польша объединились в единое государство, получившее название Речь Посполитая. Естественно русские жители Речи Посполитой не испытывали никакого пиетета перед Варшавой и были готовы присоединиться к своим единокровным братьям из Московского княжества, которое стремилось объединить в своих границах все осколки Древней Руси. Понимая это, поляки решили расколоть единый русский народ. Первый удар был нанесен по духовной сфере. В 1596 году в Бресте был созван Церковный Собор, на котором православных архиереев заставили объединиться с католиками, признав над собой власть папы римского. Новая Церковь была названа униатской (греко-католической), и в ее пользу поляки передали все церковное имущество края. Против несогласных с такой подменой начались гонения, и, хотя большинство народа не поступилось совестью, нашлись и те, кто ради материального благополучия согласился отречься от веры отцов и стать униатом. Давно известно, что самый страшный враг – это бывший друг и родственник. Вот и униаты стали последовательными и жестокими врагами православных. Так было брошено первое отравленное зерно, которое прорастет спустя столетия.

Во второй половине семнадцатого века совместными усилиями казаков и регулярной русской армии царь Алексей Михайлович смог отвоевать у поляков Левобережье Днепра и город Киев с ближайшими окрестностями. Правобережье Днепра еще столетие принадлежало Польше и было воссоединено с Россией лишь при Екатерине Великой. Так в конце восемнадцатого века в одном государстве были собраны все осколки Древней Руси, за исключением Галиции, которая перешла в состав Австрии.

Однако большое количество поляков продолжало жить на этой земле и многие из них мечтали о восстановлении Речи Посполитой. Понимая, что самостоятельно они не способны противостоять Российской империи, они стали искать себе союзников. Именно поляками в середине девятнадцатого века была выдвинута идея, что малороссы не часть русского этноса, а отдельный народ (украинцы) и поэтому должны отделиться от России.

Пропаганда этой идеи в той или иной форме шла десятилетиями. Причем если в Малороссии эта идея популярностью не пользовалась, то в Австро-Венгрии к идеям русофобов отнеслись с большим вниманием. Впрочем, это неудивительно, ведь в составе этой империи была Галиция, жители которой называли себя русинами и продолжали считать себя частью русского народа. Поэтому начиная с восьмидесятых годов девятнадцатого века австрийская власть начала проводить активную политику по уменьшению русского влияния. Вена всей мощью государственного аппарата поддержала распространение идей о существовании отдельного украинского народа. В результате к началу Первой мировой войны примерно половина жителей этого региона уже считали себя украинцами. Против тех, кто оставался сторонником единства с Россией, был начат террор. В результате на этой бывшей ранее русской земле остались только те, кто перешел в униатство и согласился с тем, что они не русские люди, а отдельный украинский народ. При этом нужно признать, что этот «народ» оказался искусственно выведенным, а в основу его менталитета была заложена

ненависть к России и русским.

Что же касается остальной территории современной Украины, то хотя идеи украинской самостоятельности активно пропагандировались разными политическими силами, заинтересованными в разрушении Российского государства, к началу 1917 года они не пользовались сколько-нибудь заметной популярностью. В высших кругах малорусского общества украинский сепаратизм не мог найти приверженцев, так местная элита была тесно инкорпорирована в высшие сферы Российской империи. Кроме того, представители региональной элиты понимали, что украинство – лишь ширма для прикрытия интересов Берлина и Вены. Для простого народа первостепенное значение имели вопросы социально-экономического характера, поэтому и у широких масс украинство не находило отклика. Идея предоставления автономии Малороссии едва теплилась в среде мелкой буржуазии и в низшем слое интеллигенции.

Скорее всего, украинофильство так бы и осталось экзотическим и малочисленным течением, если бы в 1917 году не рухнула подточенная войной Российская империя. Николай Второй отказался от трона, и страна вступила в полосу революционного хаоса. Буйным цветом расцвели всевозможные социалистические партии, в том числе и украинские. Уже в марте 1917 года в Киеве около сотни представителей различных украинских партий и общественных организаций собрались обсудить изменения, вызванные революционными событиями в столице. В итоге этой встречи было решено создать координационный совет различных украинских партий и общественных организаций. Новая структура получила название Центральная рада, а ее председателем стал историк Михаил Грушевский. Практически одновременно 17 марта в Киевской городской думе собрались представители общественных организаций и партий и выбрали Исполнительный комитет из 12 членов, который должен был стать городской властью. Среди множества организаций, принявших участие в создании этого Исполкома, только одна была украинской – «Товарищество украинских поступовцев». Соответственно только один представитель украинцев оказался членом Исполкома. Этот Исполнительный комитет в течение первых трех революционных месяцев фактически был реальной властью в Киеве.

Стремясь упрочить свое положение, активисты Центральной рады в апреле провели так называемый Всеукраинский национальный конгресс, который должен был продемонстрировать перед Петербургом серьезность позиций Рады, а также доказать всем, что ее деятельность поддерживается общественностью. Согласно заявлениям, в его работе должны были принять участие делегаты от всех областей Украины, хотя на деле это были делегаты от украинских организаций. Если количество членов организации не превышало 50 человек, она имела право направить на конгресс одного делегата с решающим голосом, более 50 – соответственно двух, более 100 – трех, 200 – четырех, 300 – пятерых (но не более). Проверял ли кто-нибудь реальную численность организаций, посылавших своих представителей, неизвестно. С совещательным голосом участие в Конгрессе мог принять любой украинец. Так что это собрание ни в коей мере не представляло всех жителей края. Однако его проведение позволило переизбранной в ходе Конгресса Центральной раде объявить себя законной украинской властью.

Всего в Киев съехалось полторы тысячи делегатов, которые в своем большинстве поддержали идею провозглашения национально-территориальной автономии Украины в составе Федеративной России. Кроме того, собравшиеся поддержали идею созыва Всероссийского учредительного собрания, которое должно было определиться с будущим

страны. Однако до созыва Учредительного собрания украинцы постановили активно создавать собственные органы власти и брать в свои руки жизнь в регионе.

Еще спустя месяц прошел украинский военный съезд, собравший около семи сотен участников. Эти люди избрали Генеральный украинский военный комитет из 18 человек во главе с Симоном Петлюрой и приняли решение о необходимости скорейшего заключения мира «без аннексий и контрибуций». Это общее настроение того времени, так как страна устала от трехлетней тяжелой войны. Кроме того, съезд принял решение о создании отдельной украинской армии и украинизации Черноморского флота. Чтобы Петлюре было удобнее заниматься этими вопросами, военный съезд поручил своим представителям войти в состав Центральной рады. И Рада не возражала против такого пополнения. Более того, Петлюра был назначен генеральным секретарем (министром) по военным делам Центральной рады.

Впрочем, очень шумные и активные члены украинских партий и Центральной рады, проводившие массу съездов, заседаний, принимавшие сотни заявлений по любым поводам, в это время вовсе не были любимцами публики. Летом 1917 года в городах прошли всеобщие, прямые, равные, тайные и свободные выборы в органы городского самоуправления. Любая партия могла участвовать в избирательной кампании, свободно агитировать, чтобы провести своих представителей в депутаты, которых тогда называли гласными, городских дум. Итоги этого волеизъявления были разгромными для украинцев. Даже в Киеве, ставшем в 1917 году центром украинства, место городского головы получил русский – Рябцов, его заместителя – еврей Ринцбург.

Между тем смута в стране нарастала. Государственные институты практически перестали существовать, экономика была в жестоком кризисе, Петербург сотрясали волнения, армия стремительно разлагалась, крестьяне громили помещичьи усадьбы и требовали передела земли. Временное правительство с трудом сумело подавить в июле выступление большевиков в Питере, но было понятно, что оно долго у власти не удержится.

А деятели Центральной рады, похоже, считали себя настоящим правительством, хотя опирались на немногочисленных сторонников и контролировали только Киев. В своем первом универсале в июне 1917 года Центральная рада провозгласила автономию Украины и создала правительство – Генеральный секретариат. Но уже через пару недель по требованию Временного правительства был издан второй универсал, в котором Рада фактически отказалась от автономии, отложив ее осуществление до созыва Всероссийского учредительного собрания. Это свидетельствует о том, что Рада воспринималась как в Киеве, так и в Питере исключительно как подчиненная Временному правительству инстанция.

В это же время началось формирование Радой украинских воинских частей. Они носили громкие названия, но по большому счету были лишь иррегулярными объединениями добровольцев под руководством собственных атаманов, а не регулярными соединениями. Так что их боевые и моральные качества были совсем не на высоте. Одновременно Рада добилась от Керенского разрешения украинизировать два армейских корпуса на фронте. Одним из этих корпусов командовал генерал Скоропадский, будущий гетман, обещавший Раде свою поддержку в случае ее конфликтов с Временным правительством. Не довольствуясь этим, Рада стала настойчиво добиваться украинизации 25 % всех российских корпусов, передачи ей всего Черноморского и половины Балтийского флотов. Петлюра, не считаясь с центральной властью, разослал по всем военным округам телеграмму с призывом ко всем малороссам самочинно формировать украинские части. Почему же Временное

правительство позволило проводить украинизацию армейских частей? А ларчик просто открывался. Такими действиями Временное правительство пыталось бороться с большевизацией армии. Керенский рассуждал примерно так: «Пусть лучше солдаты слушают лояльных украинствующих, чем откровенных врагов-большевиков».

Всего за лето было украинизировано и присягнуло Центральной раде почти 300 тысяч человек, большинство из которых при первой же возможности дезертировало. Эта сторона деятельности Центральной рады внесла немало сумбура в войсковые части и вместе с большевистской пропагандой сыграла не последнюю роль в разложении фронта.

Поскольку государство рушилось и полиция исчезала, а порядок поддерживать было надо, то на Украине уже с весны началось стихийное создание отрядов самообороны, вскоре получивших название «Вольное казачество». Уже в апреле был написан устав казачества и разработана его организация. Как и положено силам самообороны, казачество было организовано по территориальному принципу: крупные села формировали сотни, которые объединялись в курень (батальон), обороняющий свою волость (район). Все казачьи части губернии составляли кош (дивизию). На командные посты старшина избиралась народом, а оружие приобреталось за счет сбора налогов. К концу 1917 года Вольное казачество существовало в Киевской, Волынской, Херсонской, Полтавской и Черниговской губерниях, а в его рядах числилось до 60 тысяч казаков. Формально они поддерживали Центральную раду, но предпринимать какие-либо действия кроме защиты родных сел от банд дезертиров и мародеров не горели желанием.

Кроме того, под эгидой Центральной рады была сформирована еще одна очень необычная часть. Идея создать в Киеве из пленных галичан и буковинцев (бывших солдат австрийской армии) военный отряд униатов пришла в голову известному украинскому сепаратисту Николаю Михновскому. И уже осенью 1917 года из военнопленных-униатов был сформирован Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов. Возглавил его австрийский прапорщик Евгений Коновалец. Этот человек сыграл немалую роль в развитии украинских организаций, так что стоит остановиться подробнее на его персоне.

Его биограф Михайло Ковальчук очень интересно описывает родителей Коновальца. Мать – из шляхетной польской семьи, а отец был управителем народной школы. Прямо как у незабвенного Владимира Вольфовича Жириновского: мама – русская, папа – юрист. В любом случае и этот деятель украинского национального движения оказывается как минимум полуполяком. Впрочем, уже в студенческие годы Коновалец сделал свой выбор и стал украинцем, принимал участие в создании молодежных военно-спортивных организаций, а затем вступил в Украинскую национально-демократическую партию.

В 1914 году 23-летнего Евгения призвали в армию, и он попал в 19-й полк ландвера, расквартированный во Львове. Затем Коновальца отправили в офицерскую школу, откуда он вышел командиром роты и был переведен в 35-й ландверный полк. В мае 1915 года Коновалец впервые попал на фронт в районе горы Маковка, где его полк был разгромлен^[1], а наш герой оказался в плену. Неизвестно, насколько доблестно сражался молодой офицер, но он не был ранен в момент пленения, а значит, добровольно сложил оружие. Так Коновалец оказался в лагере для военнопленных в районе города Царицын на Волге. Сидел австрийский офицер с комфортом, так как активно сотрудничал с лагерной администрацией и даже был назначен переводчиком при начальнике лагеря.

В этом же лагере, помимо Коновальца, находилось немало галичан^[2], в том числе и украинских националистов из числа сечевых стрельцов. Например, среди заключенных

находился будущий глава ОУН сотник УСС^[3] Андрей Мельник. Благодаря контактам с властью, Коновалец умудрился добиться того, чтобы офицеров-сечевиков перевели в лагерь с более комфортными условиями в городке Дубовка. Тут пленные и пробыли до 1917 года, в свободное время обсуждая путь Украины и собственное будущее. После Февральской революции и создания в Киеве Центральной рады Коновалец получил разрешение съездить в Киев и попытаться договориться, чтобы военнопленные галичане были приняты на службу в украинизированные части российской армии.

В Киеве Коновалец познакомился со многими революционными деятелями, в том числе с Симоном Петлюрой, который обещал пленным свою поддержку. Обнадеженный этим Коновалец вернулся в лагерь, пообщался с единомышленниками и практически сразу же бежал на Украину, где в конце 1917 года вместе с поручиком Лисенко приступил к формированию отдельного военного подразделения из числа военнопленных-украинцев – Галицко-Буковинского куреня. Вскоре в курень потянулись бывшие УССы, из-за чего солдат этого подразделения все чаще стали называть сечевыми стрельцами.

Зимой 1917/18 года курень использовался для несения охранной службы в Киеве и окрестностях, превратившись, по сути, в полицейскую часть. Курень стремительно разлагался, дисциплина падала, многие бойцы симпатизировали коммунистам и не стремились защищать Центральную раду. Первый командир куреня был переведен в другую часть, второй, В. Дидушок, был вынужден оставить пост из-за «финансовых недоразумений». Наконец, командиром был избран Коновалец, который опирался на сечевиков. 19 января 1918 года произошли сборы личного состава, во время которых решался вопрос, принимать ли участие в борьбе с большевиками на стороне УНР или сохранять нейтралитет. После горячих споров было решено, что курень подчиняется Центральной раде и будет воевать против большевиков. Несогласные с этим решением покинули часть, которая спустя два дня была переименована в Первый курень сечевых стрельцов. На тот момент он насчитывал 662 бойца.

После Октябрьского переворота, свергнувшего Временное правительство, руководители Центральной рады посчитали, что у них развязаны руки, и провозгласили создание независимой Украинской народной республики. Себя же они назначили правителями нового государства. Правда, не они одни оказались такими умными. В это же время и украинские большевики, созвав в Харькове Всеукраинский съезд Советов, попытались взять власть в свои руки. 25 декабря (по новому стилю) было объявлено о создании Советской Украины. Название нового государства было таким же, как и у Центральной рады – Украинская народная республика. Возглавил это образование коммунист-украинец Николай Скрышник.

Кроме того, зимой 1917/18 года были провозглашены несколько советских республик в составе России: Донецко-Криворожская Республика, Одесская Советская Республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды (позже Крымская Советская Социалистическая Республика). Все эти республики поддерживали (хотя и с оговорками) Советскую УНР.

Таким образом, существовали две враждебные друг другу УНР – националистическая и коммунистическая, со столицами в Киеве и Харькове соответственно. Стоит заметить, что харьковское правительство было более легитимным, так как оно было избрано съездом Советов. Началось воинское противостояние обоих самостоятельных правительств. Харьковский Народный Секретариат был откровенно сильнее киевской Центральной рады, так как пользовался поддержкой на гораздо большей территории, и соответственно мог

выставить и больше штыков.

Пользовались поддержкой большевики и в самом Киеве. 29 января в матери городов русских вспыхнуло восстание большевиков, красногвардейцев, рабочих завода «Арсенал» и военнослужащих полка имени П. Сагайдачного, направленное против Центральной рады. Центром восстания стал завод «Арсенал». Одновременно из Харькова на помощь восставшим выступили советские войска под командованием левого эсера Муравьева. Однако они опоздали всего лишь на три дня.

Кстати, январское восстание спровоцировали именно украинцы, которые 5 (18) января арестовали ряд большевистских деятелей, закрыли большевистскую газету «Голос социал-демократа» и конфисковали на заводах оружие Красной гвардии. Вдобавок украинская власть решила вывезти с завода «Арсенал» запасы угля, что должно было привести к остановке производства и закрытию завода. Естественно, рабочие, среди которых было немало большевиков, возмутились этими действиями Центральной рады. Ну а искрой, упавшей на подготовленную почву, стало зверское убийство лидера киевских большевиков Леонида Пятакова, которому украинцы вырезали сердце.

Во время январского восстания практически все полки, бывшие в Киеве, объявили нейтралитет и отказались подчиняться Центральной раде. На ее стороне как военная сила оставались только галичане Коновальца и личная охрана военного министра Петлюры – гайдамацкая часть «Кош Слободской Украины». Именно эти части и утопили восстание в крови. Руководил карательной операцией Симон Петлюра, а непосредственным исполнителем был Евгений Коновалец.

Только на заводе «Арсенал» после подавления восстания было повешено и расстреляно более 400 человек. Но ничто уже не могло спасти Центральную раду. Через два дня она бежала из Киева под напором наступающих частей Красной гвардии. Петлюровский «кош» и сечевики прикрывали бегство Центральной рады до прифронтового местечка Сарны.

Надеюсь, читатели не забыли, что в это время все еще шла Первая мировая война и остатки русской императорской армии продолжали удерживать Восточный фронт. Временное правительство требовало вести войну до победного конца, но с его падением и большевики, и Центральная рада одновременно начали переговоры о сепаратном мире. Германская сторона выдвинула довольно тяжелые условия, и большевики заколебались. С одной стороны, мир необходим, как воздух, с другой – не настолько же позорный. Поэтому подписание мирного договора затягивалось. А делегация Центральной рады была готова принять абсолютно любые условия, и 9 февраля 1918 (по новому стилю) года был подписан мирный договор Германии с УНР. Правда, при его подписании был один нюанс. Центральная рада к моменту заключения мира уже утратила всякий контроль над ситуацией в стране, а в Киеве были большевики, что делало заключенные соглашения фарсом. Но на тот момент несоответствие реальных полномочий украинской власти волновало лишь большевиков, которые требовали, чтобы в переговорах от украинской стороны участвовало гораздо более дееспособное харьковское правительство. Немцев же ситуация, несомненно, устраивала. Именно недееспособность Центральной рады была катализатором ускоренного подписания мира, поскольку договор с правительством, которое ничего не решает, давал возможность немцам решать все самим.

За обещанную помощь в восстановлении своей власти Центральная рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн яиц, а также сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и

других продуктов.

3 марта был подписан уже большевистский Брестский мир, по которому Москва, помимо всего прочего, признавала независимость УНР. А Грушевский от имени этого независимого государства тут же обратился к немцам с просьбой ввести на Украину кайзеровские войска для обеспечения порядка.

После этого немецкие и австрийские войска заняли Украину. Или, как это преподносят некоторые ура-патриотичные украинские авторы, трехтысячное украинское войско при поддержке союзного многотысячного австро-немецкого военного контингента освободило Украину от большевиков. Немецкое командование разрешило петлюровским гайдамакам и сечевикам первыми войти в Киев и даже провести на Софиевской площади парад, чтобы Петлюра смог восстановить свою подмоченную репутацию «головного атамана».

Именно при немцах была утверждена хоть какая-то власть на всей территории, которую члены Центральной рады объявили Украиной. И именно благодаря немцам украинская власть не прекратила своего существования еще в начале 1918 года. Однако всем было件нятно, что Центральная рада держится исключительно на немецких и австрийских^[4] штыках, а лояльность немцев была куплена ценой подписания кабального договора, на основании которого Украина должна была обеспечивать Германию сырьем и продовольствием. Кроме Брестского соглашения, немцы еще несколько раз заставляли Центральную раду подписывать дополнительные экономические соглашения, по которым украинская власть должна была все больше и больше продуктов отправлять в Германию. Так, по договору от 9 апреля Центральная рада обязалась до 31 июля поставить Германии и Австро-Венгрии дополнительно 60 млн пудов зерна и изделий из него. 13 апреля Рада подписала соглашение о вывозе в Германию до 31 июля 1918 года 2750 тыс. пудов живого рогатого скота. По специальному соглашению от 21 апреля Рада обязалась поставить Германии 300 вагонов лучших сортов леса и ежемесячно вывозить 37,5 млн пудов железной руды. Другими соглашениями предусматривался вывоз льна, конопли, железного лома, олова, цинка, ртути, кожи, мануфактуры и других товаров^[5].

Соответственно главной задачей Рады было отбирать это продовольствие у крестьян и отправлять его в Германию. После первых же реквизиций народ, и так не симпатизировавший Грушевскому, стал откровенно ненавидеть правительство УНР. Появились первые, пока еще немногочисленные, повстанческие отряды, которые боролись с немцами и их ставленниками. Один из таких отрядов, возникший в Гуляйполе, возглавил молодой и мало кому известный анархист Нестор Махно.

По Брест-Литовскому миру Москва отказалась не только от Малороссии, но и от земель Белой Руси. Поэтому 25 марта 1918 года в Минске немцами была создана Белорусская Центральная рада (БЦР), которая, в свою очередь, провозгласила независимость Белорусской Народной Республики (БНР) по образцу УНР. Между двумя марионеточными государствами тут же разгорелся спор о границах. БНР требовала себе все Полесье, часть Волыни и даже немножко Киевщины. То есть границу «независимой Белоруссии» минское правительство видело проходящей практически у самого Киева. Правительство УНР в ответ выдвинуло претензии на все Полесье с городами Брест, Пинск, Мозырь и Гомель. Начались бесплодные переговоры... В конце концов белорусы обратились за поддержкой к немецким оккупационным властям. И закончились эти переговоры безрезультатно по причине исчезновения одной из договаривающихся сторон. Германия сделала много «одолжений» УНР, но Рада абсолютно не справлялась с возложенными на нее обязанностями. Она не

обрела авторитета в обществе, не выстроила убедительной государственной структуры, но самое главное, Рада не справлялась и с обещанными поставками сырья и продовольствия. Из-за этого 28 апреля 1918 года (без единого выстрела!) немцы упразднили УНР, а на ее месте была провозглашена «Украинская Держава» во главе с гетманом Павлом Скоропадским. Делегация БНР пыталась вступить в переговорный процесс с новоявленным украинским руководителем, но Скоропадскому было не до проблем с марионеточной БНР. В середине июня 1918 года белорусская делегация несолоно хлебавши уехала в Минск, оставив решение территориального вопроса на потом.

* * *

Заручившись немецкой поддержкой, Центральная рада выдвинула Советской России ультиматум:

- признание полной независимости УНР (то есть отказ в помощи украинским большевикам);
- вывод всех советских войск с территории УНР;
- возвращение всех контрибуций, наложенных большевиками на население Украины;
- компенсация всех разрушений за время конфликта между Радой и большевиками;
- передача Украине территорий Кубани, Крыма, Черноморской, Ставропольской губерний, Таганрогского округа, 4 уездов Воронежской и 1 уезда Курской губерний России, а также всего Черноморского флота.

Естественно, красные ультиматум отклонили, и снова началась вооруженная борьба.

Некоторые романтики из Центральной рады надеялись, что вмешательство Австрии и Германии во внутренние дела УНР ограничится отправкой в помощь Раде легиона УСС, укомплектованных украинцами австрийских частей и дивизий из числа военнопленных-украинцев из бывшей российской армии.

Однако Германия откровенно голодала, и плодородный юг России был для кайзера просто спасением. Так что немцы шли на восток не спасать прожектеров из Рады, а добывать пропитание для фатерлянда. Не помощниками пришли в наш край германцы, а хозяевами.

Во второй половине февраля 1918 года 230 тыс. австрийских и немецких солдат перешли линию фронта и начали занимать Правобережье. Остатки деморализованной российской армии сопротивления практически не оказывали.

Малочисленные войска УНР, которых противники обобщенно называли гайдамаками и петлюровцами, шли в авангарде германского наступления. Желая показать, что они не немецкие марионетки, а настоящая сила, украинские вожди приказали армии УНР отбить у красногвардейцев Житомир и Бердичев, где находился отряд под командованием левого эсера Василия Киквидзе. Этот революционер в конце 1917 года сформировал из ровенских социалистов красногвардейский отряд, разогнал местные части УНР и взял под свой контроль Житомирский регион. Победа над красными для петлюровцев была вопросом чести, так как им нужно было показать потенциал украинской армии и заставить немцев считаться с ними.

21 февраля 1918 года отряд унровцев под командованием генерала Присовского атаковал Житомир, надеясь с ходу раздавить противника. Однако красные не только отбили врага, но

и сами перешли в наступление. От разгрома украинское воинство спасло лишь подавляющее превосходство в артиллерии. Спустя неделю под Бердичевом состоялся новый бой, в который унровцы бросили в атаку всех, кого только смогли собрать. Но Киквидзе снова победил. Лишь когда к Бердичеву приблизились германские войска, красные снялись и организованно начали отступать.

Скоро фронт докатился до Днепра. Захватившие Киев большевики вовсе не желали просто так сдавать позиции и попытались организовать оборону, но силы были явно неравны. По подсчетам военного историка Виктора Савченко^[6], в феврале 1918 года большевики в Советской Украине располагали примерно 10,5 тыс. солдат, из которых 2,5 тыс. бойцов находились в районе Киева, 4 тыс. на юге Украины и 4 тыс. были разбросаны гарнизонами по всем городам УНР. Так что в ночь на 30 февраля красным пришлось оставить Киев.

После возвращения Центральной рады в Киев гарнизоном города стали сечевики Коновальца. Его курень был пополнен добровольцами и развернут в полк, к концу апреля 1918 года насчитывавший 2,5 тыс. человек. По сути, галичане – сечевые стрельцы стали гвардией УНР, наиболее верной и боеспособной частью украинской армии. Впрочем, несмотря на то что ядром УСС были убежденные украинофилы, даже среди них были люди, придерживавшиеся идей русского единства. Так, 30 апреля 1918 года один из стрельцов-галичан кинулся на Грушевского с криком «За Русь!» и ударил его штыком. К счастью для бородатого главы Рады, находившиеся рядом старшины успели отбить удар и скрутить нападавшего.

Таким образом, к весне 1918 года Правобережная Украина со столицей вернулась под формальный контроль Центральной рады УНР, которую, в свою очередь, контролировали немцы^[7].

На юге, в Новороссии, красные войска эсера Михаила Муравьева 5–7 марта у станций Слободка и Бирзула^[8] дали бой австрийцам. Два дня атак стоили австро-венгерской армии полутысячи погибших, но, исчерпав все силы, красные отступили, открыв тем самым путь на Одессу. Понимая, что город не удержать, Муравьев с остатками своего отряда оставил Южную Пальмиру, куда тотчас вошли австрийцы.

Отбивавшиеся от австрийцев и немцев красные отряды отступали к Екатеринославу, когда стало известно, что большевистская Россия заключила с Германией Брестский мир, по которому признавалась независимость УНР. Ленин обещал вывести все красные войска из Украины и не вмешиваться в происходящие там события. Однако отряды советской УНР, которые возглавил уроженец Черниговской губернии Владимир Антонов-Овсеенко, продолжили вооруженную борьбу с немцами и силами украинской УНР. Впрочем, немцы походя разметали красные части и продолжили наступление на восток.

Антонов-Овсеенко предложил создать военный союз «советских республик Юга»: УНР, Одесской и Донецко-Криворожской республик, Крымской области. Но красная Одесса уже была выведена из игры, а власти Донецко-Криворожской республики входить в состав УНР и подчиняться ее властям отказались наотрез. Однако все же из Донбасса на помощь украинским красноармейцам были посланы отряды Р. Сиверса и Ю. Саблина.

Двухтысячный отряд занял оборону в районе стратегически важной железнодорожной станции Бахмач к востоку от Чернигова, где 13 марта вступил в бой с немцами. Отряд Сиверса получил громкое название 5-й революционной армии и должен был прикрыть дорогу на Новгород-Северский и Глухов. Но спустя два дня немцы захватили Бахмач и

отбросили красных к Путивлю. 18 марта немцев у Конотопа попытались задержать луганские красногвардейцы под командованием Клима Ворошилова, но, как и следовало ожидать, не смогли.

19 марта австрийские части заняли Херсон, а 28 марта немцы захватили Полтаву, откуда двинулись на Харьков. Кроме борьбы с немцами и гайдамаками красным приходилось сражаться с многочисленными отрядами крестьян и горожан, восставших против большевистской власти. Даже самым оптимистичным большевикам стало понятно, что они не смогут помешать немцам захватить Украину.

В конце марта 1918 года кайзеровские войска и шедшие перед ними части УНР приблизились к двум главным пролетарским центрам Украины: Екатеринославу (Днепропетровску) и Харькову, тем самым дойдя до границ Донецко-Криворожской республики.

Говоря о периоде революционной смуты на Украине, сегодня, как правило, вспоминают УНР и ЗУНР, но в это время на просторах современной Украины существовало еще несколько республик, самой крупной из которых была Донецко-Криворожская (ДКР). Долгое время по целому ряду причин упоминания о ДКР не приветствовались в исторических работах, и республика оказалась «забытой».

После отречения Николая Второго от трона в марте 1917 года территория Российской империи осталась практически без центрального руководства. Временное правительство с обязанностями явно не справлялось, и держава пошла вразнос. Но раз власть Центра ослабла, то быстро нашлись желающие воспользоваться этим на местах. Уже в марте 1917 года в городе Бахмут состоялась Первая конференция Советов Донбасса. Через месяц в Харькове собрался I Областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, который учредил Областной комитет Донкривбасса и принял положение об организационной структуре Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. В июле 1917 года в Харькове состоялась областная конференция РСДРП(б), которая создала собственный обком. Своим руководителем большевики выбрали любимца народных масс, человека с легендарной судьбой, Федора Сергеева (Артема). Идея вычленения Донкривбасса в отдельный регион получила новый импульс и постепенно начала переходить в практическую плоскость.

В ноябре 1917 года Центральная рада своим Третьим универсалом провозгласила создание Украинской народной республики. Согласно мнению Рады, в УНР входили как ранее обещанные ей Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская и Черниговская губернии, так и Екатеринославская, Харьковская, Херсонская и Таврическая (без Крыма). В ответ пленум Исполкома Советов Донкривбасса почти единогласно осудил III универсал Центральной рады и высказался против посягательств Рады на территорию Донкривбасса. В тот день прозвучали слова Артема о необходимости создания независимой от киевских центров самоуправляющейся автономной Донецкой области.

В это же время украинские большевики попытались взять власть в Киеве, но когда там собрался I съезд Советов Украины, оказалось, что большевики находятся в абсолютном меньшинстве. Потому украинские большевики отправились в Харьков, где как раз проходил III съезд Советов Донкривбасса. После прибытия киевских беглецов съезд переименовали в I съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Украины, и 25 декабря (по новому стилю) было объявлено о создании Советской Украины. Название нового государства сохранялось то же, что и у Центральной рады, – Украинская народная республика. Возглавил это образование коммунист-украинец Николай Скрыпник^[9]. Стоит отметить, что киевские и донецкие^[10] большевики относились друг к другу весьма прохладно. Главной причиной непонимания был вечный вопрос о том, кто в доме хозяин. Киевляне утверждали, что Донкривбасс – часть Украины, а значит, должен подчиняться им. Донецкие товарищи объясняли, что они подчиняться беглецам не собираются, так как Донкривбасс – вполне самостоятельное образование. Тем более, что ни экономически, ни культурно с Украиной он не связан, а население края преимущественно русское.

По предложению Артема пленум принял решение: «Развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской

республики и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области».

Также по настоянию делегатов от Донецко-Криворожского района Всеукраинский съезд Советов принял резолюцию, в которой говорилось: «Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов протестует против преступной империалистической политики руководителей казацкой и украинской буржуазных республик, которые пытаются поделить между собой Донецкий бассейн, и будет добиваться единства Донецкого бассейна в границах Советской Республики».

Эта идея отражена и в резолюции общего собрания Харьковского Совета, одобренной 24 ноября. Донецкий и Криворожский бассейны рассматривались в ней как область, не входящая в состав Украины. Выступая 29 ноября в Думе, член большевистской фракции Э. Лугановский утверждал, что Харьковская губерния и Донбасс находятся на территории, не принадлежащей Украине, отнесение их к Украине «в экономическом отношении весьма губительно, поскольку тем самым осуществляется расчленение Донецкого бассейна».

Так было положено практическое начало кампании за создание Донецко-Криворожской области как суверенной административной единицы.

В начале 1918 года революционные войска взяли Киев, из которого изгнали Центральную раду, и на днепровские берега из Харькова переехали органы власти советской УНР. Воспользовавшись этим, представители местных Советов 9–12 февраля 1918 года (27–30 января по старому стилю) провели в Харькове IV областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором была принята резолюция, в которой говорилось: «Донецкий и Криворожский бассейны как область, которая уже и сейчас имеет свое определенное экономическое хозяйственное лицо, должны иметь собственные органы экономического и политического самоуправления, единые органы власти, которые организуют в бассейне политический, экономический и культурный правопорядок Советской республики».

Так было провозглашено создание Донецко-Криворожской республики в составе РСФСР. Затем был избран ее обком, который, в свою очередь, должен был создать Совет народных комиссаров (правительство) ДКР.

Когда после Брестского мира началось немецкое наступление, руководители Донецко-Криворожской республики некоторое время успокаивали себя тем, что международные соглашения по поводу Украины, какими бы они ни были, кем бы ни подписывались, не распространяются на Донкривбасс. Однако австро-немецкое командование так не считало. Ориентируясь на государственные границы УНР, определенные III и IV Универсалами Центральной рады, австро-германские войска начали оккупацию восточных земель современной Украины.

Главным экономическим органом республики был Южный Областной Совет народного хозяйства (ЮОСНХ). Совнархоз провел большую работу по исследованию технического состояния предприятий Донбасса, выявляя нерентабельные предприятия, национализировал ряд крупных монополий. Надо отметить, что на ряде шахт, которые взял под свой контроль Совнархоз, был отмечен даже рост производительности. Созданное объединение Главсахар исследовало сахарные заводы, ввело ряд льгот для частников. Заметим, что ЮОСНХ не только не препятствовал развитию частной розничной торговли, но и брал ее под защиту от самочинных действий местных Советов.

Решение социальных проблем в ДКР было возложено на Комиссариат труда под

руководством Бориса Магидова. Этот наркомат ведал широким спектром вопросов: заключением коллективных договоров, установлением минимума зарплаты, разбирательством трудовых конфликтов, социальным страхованием, борьбой с безработицей... Делами образования и культуры занимался Комиссариат по народному просвещению, который создал отделы народного образования при местных Советах. Наркомат запретил закрывать школы, ввел бесплатное образование для детей бедноты. В ДКР были открыты ряд учебных заведений для взрослых, курсы по ликвидации неграмотности, детсады, была разработана программа по созданию детских летних лагерей. Следует отметить, что принимались меры и по расширению обучения на украинском языке: в конце февраля было доложено об открытии украинских школ в республике, в Харькове была открыта украинская гимназия. Полноценная политическая и экономическая жизнь в автономной республике успешно налаживалась. Еще 20 марта 1918 года газета «Известия Юга» с гордостью заявила: «Поскольку Украина отделилась от Советской России, – это ее дело. Мы за ней не идем... Надо на весь мир крикнуть, что донецкий пролетарий не считает себя входящим в Украинское государство».

У ДКР была своя армия. Первоначально она насчитывала 8,5 тыс. штыков. Во многом в ее формировании помогла отошедшая с Румынского фронта 8-я армия. Ее выборный командующий Анатолий Геккер стал первым командующим Донецкой армии. 5 апреля создан полевой штаб Донецкой армии, которая к тому времени уже насчитывала 13 тыс. человек. Несмотря на формальное подчинение всех военных сил южнороссийских республик Антонову-Овсеенко, армия действовала самостоятельно.

Российский совнарком попытался вполне прагматически использовать новорожденную ДКР как временный барьер на пути западной агрессии. Это связано с тем, что германское наступление поставило первым вопросом на повестку дня спасение Советского правительства любой ценой. Слабые красногвардейские отряды, даже объединенные в Донецкую рабочую армию, не могли остановить железную поступь кайзеровских ветеранов. Однако своим отчаянным сопротивлением они на целый месяц задержали немцев. Владимир Ленин сделал вполне определенные выводы. Он написал 14 февраля (1 марта) 1918 года чрезвычайному уполномоченному СНК на Украине Орджоникидзе: «Что касается Донецкой Республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что, как бы они ни ухитрились выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать».

Когда бои с немцами велись уже под Харьковом, СНК ДКР 7 апреля объявил свой протест Центральной раде: «Мы заявляем, что Киевское правительство не может ссылаться, завоевывая нашу Республику германо-австрийскими штыками, ни на какие исторические и другие права, кроме права на завоевание...» Но в ту же ночь немецкая армия ворвалась в Харьков, и правительство ДКР с боями покинуло столицу с последним отрядом из 300 бойцов.

Даже после падения Харькова красные отряды продолжали сопротивление и отступали, огрызаясь сталью и огнем, неоднократно переходили в контратаки. В середине апреля бои велись на подступах к Юзовскому оборонительному району. 20 апреля немцы захватили Славянск, 22 – Мариуполь, Юзовку и Макеевку, а 24 апреля – Горловку и Никитовку.

Однако отчаянное сопротивление дало возможность эвакуировать из Донбасса в пределы Советской России тысячи вагонов с оборудованием, оружием, боеприпасами, хлебом, а также не менее 30 тыс. рабочих и членов их семей.

В конце апреля заключительные бои развернулись в северо-восточной части Донбасса. Прикрывая железнодорожную линию Сватово – Лисичанск – Родаково – Луганск, сражались бойцы отступивших от Харькова советских частей. 25 апреля у ст. Родаково разгорелся ожесточенный бой. Отразив натиск врага, бойцы советских отрядов перешли в контратаку и вынудили оккупантов бежать. Однако немецкое командование, стремясь овладеть Луганском, бросило в бой пять дивизий. Заняв оборону по речкам Лугань и Ольховка, бойцы недоукомплектованной и понесшей большие потери в предыдущих боях 5-й армии вместе с малочисленными рабочими отрядами Донбасса в течение суток героически сдерживали 40-тысячную группировку противника. Одновременно продолжалась эвакуация Луганска. Около 80 эшелонов с семьями рабочих, ценным оборудованием и сырьем было отправлено из города в сторону Миллерова. А 28 апреля немецкие войска заняли город.

Отступившие от Луганска к Миллерову части 5-й армии, а также сосредоточившиеся здесь десятки эшелонов с людьми и грузами, не смогли пробиться на север. Стремясь зажать советские войска в тиски и захватить эвакуированное из Донбасса имущество, немцы со стороны Сватова через Старобельск – Беловодск прорвались к Черткову и перерезали Юго-Восточную железную дорогу, по которой из Донбасса отступали войска и шли эшелоны. На юге немцы заняли Таганрог и приближались к Ростову. Оставался единственный выход – пробиваться через донские степи на восток к Царицыну^[11].

Охраняя эшелоны, насчитывавшие более трех тысяч вагонов с семьями рабочих, ранеными, оружием, оборудованием и другими ценными грузами, части 5-й и 3-й армий и отряды рабочих Донбасса под командованием Ворошилова начали 500-километровый поход по железной дороге Миллерово – Лихая – Царицын. Почти три месяца, ведя ежедневные бои с казаками, восстанавливая разрушенные железнодорожные пути и мосты, продвигались бойцы и рабочие отряды Донбасса. Позднее, влившись в ряды Красной армии, они приняли активное участие в обороне Царицына от белогвардейских войск.

Вслед за немецкими и австрийскими войсками в Донбасс вернулись прежние хозяева шахт и заводов. Вскоре предприниматели перешли к полному пересмотру всего трудового законодательства, принятого Временным и Советским правительствами. Рабочий день был увеличен, плата уменьшена, профсоюзы закрыты, а забастовки объявлены незаконными.

Преследуя красные отряды, германские дивизии вторглись в Орловскую, Курскую, Воронежскую губернии Советской России. Чтобы избежать войны с немцами, большевики приняли решение прекратить всякое сопротивление на Украине. 4 мая 1919 года Антонов-Овсеенко объявил о роспуске своих армий, и украинские красногвардейцы были переброшены на борьбу с белогвардейцами на юге России.

Когда бойцы Красной армии Донбасса отступили, с ними ушло и правительство ДКР. Борьба за Донбасс переместилась с полей сражений в кабинеты, где велись упорные споры о принадлежности угольного бассейна. Советская Россия и находившаяся под германским контролем Украина пытались любой ценой доказать правомерность своих притязаний на экономически важный регион. Поскольку восточные границы Украины так и не были определены, то по спорным территориям решено было прибегнуть к референдумам среди местного населения. Известно, что 27 августа 1918 года Россия и Германия подписали договор, 12-я статья которого гласила, что Донбасс является временно оккупированной немецкой территорией и даже сохраняла за Россией право добычи донецкого угля.

Но уже в конце 1918 года, когда немцы покинули Украину, на освобожденных землях вновь встал вопрос о суверенной ДКР и ее отношении к Украине. На этот раз большевики

сразу позабыли свое обещание о референдуме и заняли однозначную жесткую позицию по отношению к мнению донбассовцев. Ленин объяснил это тем, что для большевиков «вопрос о границах государств – вопрос второстепенный, если не десятистепенный», и призвал русских большевиков «быть уступчивыми при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками, если разногласия касаются государственной независимости Украины, формы ее союза с Россией, вообще национального вопроса».

Итогом подобных интернационалистских призывов Ленина стало постановление Совета обороны от 17 февраля 1919 года: «Просить тов. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса». И эта просьба была выполнена: назначенная на 20 февраля 1919 года Донецко-Криворожская областная партконференция была запрещена. Через несколько дней был подписан договор между Россией и Украиной (Советской), по которому большая часть ДКР без всякого референдума отходила к последней. Так насильственными действиями «сверху» была ликвидирована Донецко-Криворожская республика.

Донецкие руководители, правда, все равно не унимались. Еще через год, когда Советская власть утвердилась в Донбассе окончательно, в феврале 1920 года в Юзовке прошел съезд волостных ревкомов Юзовского района, который заявил: «Съезд настаивает на быстром экономическом и политическом слиянии Донецкой губернии с Советской Россией в едином ВЦИК Советов». На печатях, которые сохранились на документах того времени, еще отчетливо видно, что Юзовку считали частью РСФСР, а не УССР. Но, по всей видимости, к середине весны 1920 года сопротивление автономистов удалось сломить. Хотя еще в 1920 году Николай Скрыпник писал, что Донбасс – «одна из главных трудностей нашей работы на Украине».

19 марта 1918 года в Крыму Первый съезд Советов Тавриды провозгласил создание независимой Социалистической Советской Республики Таврида^[12]. Этим решением местные власти надеялись сохранить Крым от германского вторжения. Ведь не будут же немцы, которые должны действовать в границах УНР, завоевывать другое государство? Тем более что даже Центральная рада, очерчивая границы УНР, не претендовала на Таврию. Однако расчет оказался ошибочным, австро-германские части 16 апреля атаковали Перекоп.

Шеститысячная Красная армия Советской Тавриды под командованием Гольдштайна попыталась оказать сопротивление, но была разгромлена без особых усилий со стороны немцев. Как и на материковой Украине, впереди германцев шли части УНР под командованием полковника Болбочана. Гайдамаки первыми ворвались в Симферополь. На основании этого успеха Центральная рада 20 апреля 1918 года объявила Черноморский флот собственностью УНР, а Крым – частью УНР. Немцы такую прыть украинцев не одобрили, так как считали полуостров своей законной добычей. Генерал фон Кош потребовал от Рады немедленно вывести отряд Болбочана из Крыма, пригрозив в случае неповиновения силой разоружить украинцев. Военный министр УНР Жуковский принес свои извинения и выполнил требования немцев.

25 апреля немцы подошли к Севастополю, который обороняли советские войска. Четыре дня город сопротивлялся, но затем стала понятна бесперспективность обороны. 30 апреля просоветская часть Черноморского флота, взяв на борт всех единомышленников, вышла из гавани, взяв курс на Новороссийск. Экипажи оставшихся кораблей посчитали меньшим злом поднять украинский флаг. Командующий флотом контр-адмирал Саблин потребовал от немцев прекратить штурм крепости, так как флот признал над собой власть УНР.

Так, весной 1918 года власть над Украиной полностью оказалась в руках немцев, прикрывавшихся практически бессильной Центральной радой.

Несмотря на победу над красными, Центральная рада так и не смогла превратиться в полноценную власть. Поэтому и у немцев, и у украинских политиков возникла мысль, что следует заменить собрание болтунов одним ответственным лидером. Масло в огонь подлили и сами деятели Рады. Так, в ночь с 24 на 25 апреля 1918 года из собственной квартиры в Киеве неизвестными лицами был похищен Абрам Добрый, директор Киевского банка внешней торговли, через который немецкие оккупационные силы вели финансовые операции с Рейхсбанком. В дело поиска похищенного включилась германская контрразведка, которая установила, что миллионера похитили по приказу премьер-министра украинского правительства и двух министров – военного и внутренних дел. Банкира увезли в Харьков и принялись вымогать у него выкуп в размере 100 000 рублей.

Взбешенный главнокомандующий германскими оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн 26 апреля издал указ, которым вводил на территории УНР германские военно-полевые суды, имевшие право карать за уголовные преступления.

Во второй половине апреля фон Эйхгорн в поисках кандидатуры на роль правителя Украины обратил внимание на бывшего царского генерала Павла Скоропадского. Кайзер кандидатуру одобрил, и с генералом и его сторонниками начали работать немецкие специалисты. Принимая власть, Скоропадский обязался выполнить все взятые на себя Центральной радой обязательства по поставкам продовольствия и сырья.

Первоначально наиболее решительные из числа немецких командиров вообще планировали после упразднения Рады ввести свое прямое правление, однако генерал Вильгельм Грёнер не поддержал этот план, так как посчитал, что германских сил на востоке недостаточно для эффективного контроля над обширной территорией. Поэтому он порекомендовал сохранить видимость независимого государства, которое должно было служить ширмой для немецкой армии. Мнение генерала поддержали германский посол Мумм и его австрийский коллега граф Форгац, которые также посчитали, что незачем брать на себя ответственность, если можно найти марионетку из местного населения.

Впрочем, было бы ошибкой изображать генерала Скоропадского исключительно как ставленника немцев. Он был отнюдь неглуп, амбициозен, имел определенную популярность в обществе и сам готовился к старту своей политической карьеры. Так как его интересы совпали с немецкими, то он принял предложение германской помощи для захвата власти. В дальнейшем он, несомненно, планировал вести свою игру и постепенно выйти из-под германской опеки.

28 апреля 1918 года в зал киевского Педагогического музея, где происходило заседание Рады, вошел немецкий патруль, который и разогнал это учреждение. По описанию присутствовавшего при этом Алексея Гольденвейзера, все происходило следующим образом: «Министерская ложа была в начале заседания полна, но постепенно большинство министров, в том числе Ткаченко и Жуковский, исчезли. Помню, как поразило меня в этот день осунувшееся лицо Ткаченко и лихорадочный блеск его глаз. Заседание все продолжалось, приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать, и около 4 часов дня на трибуне появился Рафес... С лестницы донесся шум, дверь в зал растворилась, и на пороге появились немецкие солдаты. Несколько десятков солдат тотчас вошли в зал. Какой-

то фельдфебель (потом выяснилось, что это был чин полевой тайной полиции) подскочил к председательскому креслу и на ломаном русском языке крикнул: «По распоряжению германского командования объявляю всех присутствующих арестованными. Руки вверх!» Солдаты взяли ружья на прицел. Все присутствующие встали с места и подняли руки... Грушевский, смертельно бледный, оставался сидеть на своем председательском месте и единственный во всей зале рук не поднял. Он по-украински говорил что-то немецкому фельдфебелю о неприкосновенности прав «парламента», но тот еле его слушал. Немец назвал несколько фамилий, в том числе Ткаченко и Жуковского, которые приглашались выступить вперед. Никого из названных в зале не оказалось. Тогда всем депутатам было предложено перейти в соседнюю комнату; при этом в дверях залы заседания солдаты ощупывали нас, ища оружия.

Мы столпились в указанном нам помещении. Комизм положения невольно настроил всех юмористически. Обсуждали вопрос, что же с нами будет – поведут ли в тюрьму или, может быть, вышлют в концентрационный лагерь?.. Наше сидение взаперти продолжалось не больше часу. Вдруг двери на лестницу раскрылись, и кто-то грубым и насмешливым тоном крикнул нам: «Вон! Расходись по домам!» Мы спустились по лестнице вниз. На улице, у входов в здание Рады, стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытных глазела на пикантное зрелище. Мы разошлись по домам...»

На следующий день, 29 апреля, в Киеве прошел Хлебоборобский конгресс, собравший несколько тысяч делегатов из восьми губерний. Мнение большинства выступающих было однозначным: Центральная рада не может обеспечить нормального функционирования государства, она обанкротилась, и ей на смену должна прийти сильная единоличная власть – гетман, который наведет порядок в стране. По немецкой указке и под бурные аплодисменты на эту должность был избран генерал русской императорской армии, потомственный дворянин Павел Скоропадский. УНР была переименована в Украинскую державу. Центральная рада была объявлена распущенной, а ее законы отменялись. Вскоре было сформировано новое правительство, большинство министров которого были беспартийными специалистами.

После разгона Рады люди Скоропадского взяли под свой контроль основные учреждения столицы, нейтрализовав возможные выступления сторонников УНР. Во время этого переворота погибло всего трое гетманских офицеров, так что можно сказать, что все это произошло практически бескровно.

Пока в Киеве менялась власть, остальная страна оставалась спокойной. Приход гетмана в обществе был воспринят без особых эмоций.

Вскоре над бывшим премьер-министром Всеволодом Голубовичем и его подельниками по похищению банкира состоялся суд, на котором обвиняемые признали свою вину и были осуждены.

Первым же указом гетман восстановил права частной собственности и разрешил свободную куплю-продажу земли. Также специальной грамотой гетман приказал крестьянам немедленно возвратить помещикам конфискованные у них земли и инвентарь. Крестьянам приказывалось немедленно прекратить использовать помещичьи владения, сенокосы, пастбища и лесные угодья для собственных нужд. Это создало правовые основания для возвращения отобранной во время революции крестьянами земли и имущества помещикам. Эти меры были крайне непопулярны в широких крестьянских массах и приводили к росту пробольшевистских настроений. Но правительство жестко держало курс на поддержку

помещиков и зажиточных крестьян (кулаков), которые при поддержке немецких отрядов возвращали свое разграбленное имущество и расправлялись с противниками.

Гетманская полиция – «державна варта» – с трудом поддерживала относительный порядок. В ее составе было немало кулаков, которые мстили и жестоко расправлялись с теми, кто во время правления Рады и большевиков нанес им ущерб. Но все же, конечно, благодаря присутствию немецкой армии, хозяйственная жизнь налаживалась. Снабжение городов шло бесперебойно, и никаких продовольственных затруднений не ощущалось. Однако если в селах гетманское правительство имело активных сторонников в лице зажиточных крестьян и помещиков, то в городах дело обстояло значительно хуже. Подавляющее большинство городского населения было русским и, разумеется, враждебно настроено и к идеям украинской независимости, и к проводимой властью украинизации. Вдобавок рабочий люд в своих политических симпатиях склонялся к большевикам и другим левым партиям, так что реставрация капитализма, начатая гетманом, воспринималась ими настороженно.

Вопрос об украинизации Украины был весьма сложен для гетмана. Население, особенно интеллигенция и горожане относились резко отрицательно к украинизации, всячески ее саботировали и свое отрицательное отношение к ней переносили и на гетманский режим вообще. Сторонников украинизации можно было найти только среди галичан, представителей полуинтеллигенции и социалистическо-шовинистической молодежи, но на них нельзя было опереться, так как это были сторонники свергнутой Центральной рады. Но германская оккупационная администрация недвусмысленно требовала проводить украинизацию, чтобы подчеркнуть самобытность Украины, а следовательно, оправдать ее отделение от России. Масла в огонь подливали противники гетмана из среды украинцев, которые против Скоропадского выдвигали обвинение в стремлении возродить единую и неделимую Россию, доказательством чего называлось недостаточно энергичное искоренение русской культуры. А прорусские силы, в свою очередь, обвиняли гетмана в чрезмерном рвении с украинизацией.

Не имея возможности вообще отказаться от принудительной украинизации и предоставить возможность свободного соревнования русской и украинской культур, гетман все же пошел по пути насаждения украинства сверху, но делал это в достаточной степени либерально, без резкостей и перегибов, чем вызвал нарекания как одной, так и другой стороны. Украинизация затруднялась не только нежеланием населения, но также и отсутствием лиц, которые бы эту украинизацию могли проводить. Слишком мало малороссов были украинофилами, а к галичанам отношение граждан гетманской державы было крайне отрицательное.

Хотя формально гетман был полновластным правителем, на самом деле он вынужден был даже кадровые назначения в собственном правительстве согласовывать с немцами. Например, 10 июня представители украинских националистических организаций во главе с Николаем Михновским пришли к немецкому генералу Грёнеру жаловаться на антиукраинскую политику гетманских министров и требовать отставки украинского правительства. Немец пообещал обратить внимание германского посла и гетмана на эти вопросы. Хотя тесно общавшийся с украинцами Грёнер стал весьма скептически относиться к идее создания независимой Украины. По словам историка Олега Федюшина^[13], он был вынужден признать, что имеется дефицит украинцев с развитым национальным самосознанием, имеющих достаточную подготовку и опыт для замещения важных

административных постов.

Вместе с тем немец рекомендовал украинским политикам развернуть широкую пропаганду среди всех слоев населения в поддержку идей независимости Украины.

Еще один немецкий полководец, игравший ключевую роль в событиях на востоке, генерал Людендорф, также разочаровался в украинцах и пришел к выводу, что Украина – это эфемерное образование, которое в ближайшем будущем присоединится к России. Поэтому он предпочел направить свои усилия на создании пронемецкой федерации государств вокруг независимой Грузии.

Так что в Берлине и оккупационных войсках боролись два мнения о поведении на Украине. Согласно первому, надо было попытаться создать тут полноценное государство, которое в будущем стало бы союзником рейха. Оппоненты доказывали, что из имеющегося на Украине человеческого материала создать жизнеспособный политический организм не удастся, и рано или поздно Украина воссоединится с остальной Россией. Поэтому надо, не обращая внимания на последствия, уже сейчас выжать из оккупированных территорий все возможное.

2–3 июля в городе Спа прошла конференция политиков и генералитета под председательством самого кайзера Вильгельма Второго.

«Жизнеспособного украинского государства не получится. Распространение украинской национальной идеи всецело зависит от присутствия в стране наших войск. Следует готовиться ко всем возможным поворотам событий», – докладывал там Людендорф, который еще несколько месяцев назад оценивал Украину как «единственное жизнеспособное политическое образование, возникшее на обломках царской империи». Ему вторил прусский военный министр Герман фон Штейн, уверенный, что после окончания войны Украину придется вернуть России.

Хотя собравшиеся должны были определиться с немецкой политикой на оккупированных землях, однако встреча закончилась практически безрезультатно. Единственное решение относительно украинских дел заключалось в том, что не стоит делать ставку исключительно на украинских политиков и надо начать работать и с южнорусскими монархическими организациями. Кроме того, было решено не обострять отношений с большевистским правительством России. Кайзер Вильгельм по окончании совещания заявил, что германские войска пришли на Украину лишь для обеспечения родины необходимым продовольствием, а потому не следует впадать в иллюзию относительно того, что Украину можно оторвать от Большой России навечно.

Однако германская администрация в Киеве продолжала свою работу. Консул Эрх фон Тиль 26 июля писал: «...несмотря на существующие условия, мы все еще пытаемся держаться первоначального плана действий, то есть создавать при помощи своих вооруженных сил независимую Украину».

* * *

Как истинный военный, Скоропадский начал свое правление с реорганизации, а точнее, с создания заново украинской армии. 24 июля 1918 года был издан закон о всеобщей воинской обязанности. По плану предполагалось создать вооруженные силы, состоящие из восьми армейских корпусов, стольких же корпусных конных полков, 4 конных дивизий,

отдельной Таврической пехотной и отдельной конной бригад, двух понтонных (инженерных) куреней. Кроме того, планировалось открыть Военную академию и военные школы офицеров (училища). Однако попытки гетмана сформировать регулярную украинскую армию встретили серьезные препятствия. Во-первых, создание любой военной силы из местного населения на подконтрольных территориях не входило в планы германцев, так как они хорошо знали, что при первой же возможности эта армия ударит немцам в спину. Во-вторых, ни для кого не было секретом, что крестьянские и рабочие массы, откуда надо было брать рекрутов, настроены анархистски или пробольшеvistски, а подавляющее большинство офицеров является сторонниками единой и неделимой России. Еще одним бичом гетманской армии стала банальная нехватка финансирования. Так что большинство запланированных частей и соединений осталось на бумаге. Сформированные же еще для Центральной рады две дивизии из пленных – «синезупанников» и «серожупанников» – пришлось разоружить и демобилизовать, так как они полностью морально разложились. Точно так же гетман поступил и с «сечевыми стрельцами» Коновальца, бывшими опорой Центральной рады. Однако вскоре Скоропадский вновь принял бойцов-галичан к себе на службу. «Отдельный отряд сечевых стрельцов» под командованием бессменного Коновальца получил финансирование и базу в Белой Церкви. Кроме того, была создана гетманская гвардия – пятитысячная «сердюцкая дивизия», которая комплектовалась исключительно из сыновей зажиточных крестьян. В каждом уезде для поддержания порядка были созданы отряды «державной варты», которые набирались из проверенных антисоциалистов.

Зато у гетмана была собственная авиация, доставшаяся в наследство от Российской империи. На момент революции 1917 года на территории Украины дислоцировались части российской военной авиации, насчитывавшие до 330 боевых самолетов. К моменту прихода к власти гетмана Скоропадского в строю оставалось до двух сотен машин различных типов.

К ноябрю 1918 года общая списочная численность гетманской армии доходила до 60 тыс. человек, однако значительная часть этих войск боевыми частями являлась только на бумаге.

* * *

Оттертые гетманом от власти украинские социалисты всех оттенков стали главными его врагами. Для руководства борьбой с гетманом был создан полуполюгальный Украинский национально-державный союз, в который вошли представители полудюжины партий и организаций. Этот Союз сразу же повел работу в двух направлениях: пропаганда (устная и печатная) среди населения Украины и гетманского административного аппарата и доносы немцам с обвинениями гетмана в «москвофильстве». Кроме того, начался саботаж гетманских решений в различных государственных учреждениях, которые за время Рады были наводнены ее сторонниками, от которых требовалось только «сознательное украинство». Всех их в первое время оставили на своих местах. Но когда гетманские министры потребовали от них вместо демагогии заняться делом, то оказалось, что многие из новых украинских чиновников профнепригодны. Естественно, что, когда таких горе-работников начали замещать специалистами, они усмотрели в этом «антиукраинство» и стали врагами гетмана.

Неудивительно, что сторонники Центральной рады начали подготовку свержения

гетмана и возвращения к власти своих партий. Пользуясь тем, что Скоропадский наивно верил в возможность договориться с ними и потому не предпринимал должных репрессивных мер не только к второстепенным социалистическим деятелям, но даже и к их вождям, они организованно, планомерно и целеустремленно повели свою подрывную работу.

На волне антигетманских настроений определенную популярность получил бывший военный министр УНР Симон Петлюра, который стал собирать под свои знамена сторонников. Еще одним претендентом на гетманскую булаву стал австрийский эрцгерцог Вильгельм фон Габсбург, который свободно говорил по-украински и командовал легионом УСС. Правда, официальная Вена заверяла, что он ни в коей мере не претендует на власть над Украиной, да он и сам отказался от предложения своих сторонников возвести его в правители, но все же Вильгельм был потенциальным соперником Скоропадского. В ставку эрцгерцога в Александровске спешили многие недовольные гетманом, так что волей или неволей, но молодой аристократ со своими солдатами стал одним из центров консолидации антигетманской оппозиции. Пришлось вмешаться немцам, которые остудили пыл слишком рьяных сторонников Вильгельма и убедили союзников-австрийцев отозвать эрцгерцога в Галицию.

В борьбе против гетмана объединились сторонники Центральной рады, оставшиеся на Украине, и сторонники советской УНР, эмигрировавшие в Москву. Стремясь вернуться к власти, бывшие деятели Рады забыли недавнюю вражду и к Харьковскому правительству, и к «москалям» и обратились к бывшим врагам за помощью. Как дальновидные политики большевики не только не оттолкнули протянутую им руку украинских социалистов, но и согласились оказать помощь деньгами и оружием. В ответ Винниченко дал обязательство о легализации коммунистической партии на Украине после свержения Скоропадского.

В результате внешне все выглядело хорошо, везде был порядок, и Украина летом 1918 года была краем, куда со всей страны ехали противники большевиков: бывшие царские офицеры и чиновники, аристократы, крупная буржуазия, представители культуры и искусства. Вследствие этого в городах Украинской державы оказалось огромное число царских офицеров. Только в Киеве их было до 50 тыс. человек, в Одессе – около 20 тыс., в Харькове – 12 тыс... Как вспоминал барон Врангель: «Со всех сторон России пробивались теперь на Украину русские офицеры... ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственного русского уголка, где надеялись поднять вновь трехцветное русское знамя».

Но у всего этого благополучия была только одна причина – немецкие штыки. Пока немцы были сильны, гетман мог быть спокоен, несмотря на все козни его противников. Но весной – летом 1918 года провалилось масштабное наступление германской армии во Франции. Для Берлина это был последний шанс переломить ход войны, и после провала наступления стало ясно, что Германия стремительно проигрывает.

В сентябре 1918 года немцы вывели из Украины пять дивизий, которые были переброшены на Западный фронт. В октябре начался постепенный вывод австро-венгерских сил. Из-за этого в Киеве стали шириться слухи о том, что немцы уходят, что сильно нервировало гетманскую администрацию и, наоборот, обнадеживало его противников. Вскоре всем стало ясно, что крах Германии и вывод войск – это дело ближайшего будущего. Понимая это, Скоропадский в ноябре начинает активно искать поддержку у Антанты. Он пытается убедить французов и англичан, что готов проводить дружественную им политику, если его признают правителем Украины. Также Скоропадский попытался установить

союзные отношения с донским агаманом Красновым, с которым для этого встретился 3 ноября.

Кроме того, 14 ноября гетман резко меняет всю свою политику, сбрасывая маску украинского националиста, и выступает как сторонник восстановления единой федеративной России. Новое правительство под руководством С. Гербея попыталось опереться на российских «великодержавников». Начались переговоры с Деникиным. Однако этот маневр хотя и нашел отклик у киевлян, но не принес гетману поддержки ни со стороны Антанты, ни со стороны белогвардейцев, зато оттолкнул последних политиков-украинцев, сохранявших лояльность гетману.

Украинский национальный союз немедленно потребовал смены правительства. 13 ноября в Киеве состоялось тайное совещание деятелей украинской оппозиции, на котором была образована Директория под руководством Винниченко, призвавшая к антигетманскому восстанию. Избранный заочно ее членом Симон Петлюра на заседание не явился, а отправился в Белую Церковь, где в лагере сечевых стрельцов провозгласил себя главнокомандующим всех вооруженных сил повстанцев.

Самое интересное, что Петлюра еще в июле был арестован по подозрению в участии в заговоре против правительства, но незадолго до восстания был выпущен. При этом он дал честное слово, что в деятельности против гетмана участия принимать не будет. Дав это слово, он сразу же уехал в Белую Церковь для подготовки восстания...

Уже 15 ноября одновременно во многих местах начались выступления повстанцев. Разрозненные, разбросанные по всей Украине гетманские силы были застигнуты врасплох. Одни соединения просто разбежались, другие, понимая безнадежность сопротивления, признавали власть Директории.

При этом одни украинцы (петлюровцы) ожесточенно уничтожали других украинцев (гетманцев). Современная киевская журналистка Мирослава Бердник в своем электронном дневнике^[14] поделилась воспоминаниями своего деда: «Однажды он шел из Воронькова (село под Борисполем) в Килов. Недалеко от села услышал крики, проклятия, выстрелы. Спрятавшись за деревьями, увидел страшную картину. Петлюровцы окружили группу безоружных гетманцев и заставляли их раздеваться. Те падали на колени и умоляли: «Хлопцы, и мы ж, и вы – за Украину. Мы ж родная кровь! Хлопцы, что ж вы делаете?» Хлопцы же в ответ выматерились и прошили тех пулеметными очередями...»

Гетман назначил командующим обороной Киева генерала графа Федора Келлера. Очень храбрый и опытный офицер, убежденный монархист и сторонник единой и неделимой России, Келлер прежде всего произвел мобилизацию находившихся в Киеве офицеров. Вместе с «сердючкой» дивизией набралось около 12 тыс. человек. В условиях гражданской войны это была огромная сила при наличии нужного для борьбы духа. Но духа этого у защитников Киева не было из-за непопулярности гетмана в кругах русского офицерства и всеобщей уверенности в скором приходе в Киев войск Антанты или Белой гвардии. Утомленные многомесячной украинизацией офицеры под предлогом борьбы с Петлюрой позволили себе отвести душу, устраивая эксцессы не только антипетлюровского, но и вообще антиукраинского характера. Например, был разгромлен Украинский клуб, демонстративно были сорваны все украинские флаги, а на их месте водружены русские.

Пока Петлюра наступал на Киев, в самом городе объединенные силы большевиков и его сторонников дважды пытались поднять восстание, но эти попытки были подавлены. В конце концов, понимая бесперспективность продолжения борьбы, Скоропадский подписал

отречение и вместе с немецкими солдатами уехал в Германию.

* * *

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, свергшая кайзера Вильгельма. После этого немецкий оккупационный корпус на Украине стал стремительно разлагаться. Солдаты хотели скорее отправиться домой и не собирались оставаться в чужих владениях. Чтобы свободно уйти на родину, руководители немецких оккупационных сил 12 декабря заключили с Петлюрой договор о нейтралитете, развязавший руки украинским националистам из Директории. После этого оккупанты беспрепятственно начали отправляться на запад.

Подводя итог почти годового нахождения кайзеровских солдат на берегах Днепра, можно сказать, что оккупация восточных земель^[15] для Германии стала непосильной нагрузкой, ведь тут приходилось держать немалую армию, которая была необходима на Западном фронте. С другой стороны, немцы вывезли из Украины полтора миллиона тонн грузов, в основном продовольствия, что позволило поддержать свою экономику. Даже понимая, что Германия проигрывает войну, немецкие политики планировали после заключения мира с Антантой сохранить за собой контроль над оккупированными землями на востоке. Берлин даже обратился с официальной просьбой к победителям о сохранении немецких войск на Украине до тех пор, пока не будет создана регулярная украинская армия для защиты от большевиков.

Победители объявили о воссоздании Украинской народной республики, во главе которой отныне находилось правительство-директория. Первым председателем Директории был избран Владимир Винниченко, уже возглавлявший в конце 1917 – начале 1918 года правительство УНР. Спустя пару месяцев вся власть была в руках главнокомандующего войск УНР Симона Петлюры, который фактически стал военным диктатором. Главной военной силой УНР были сечевые стрельцы, которые сыграли основную роль в свержении гетмана и установлении власти Директории. В декабре 1918 года УСС были развернуты в дивизию, а затем на основе этой дивизии и еще ряда частей по приказу Петлюры был создан Осадный корпус номинальной численностью в 50 тыс. человек. Однако вскоре из частей Директории началось массовое дезертирство, многие части отказывались подчиняться, и, по сути, только галичане Коновальца были надежными. В итоге к весне 1919 года в строю Осадного корпуса сечевых стрельцов оставалось около 5 тыс. человек.

Когда сечевики Коновальца вступили в столицу Украины Киев, они были весьма сконфужены, попав в совершенно русский город. Коновалец решил проблему по-солдафонски просто: издал приказ в три дня заменить все русские названия и вывески на украинские. С утра до вечера трудились маляры, переписывая вывески. Специальные патрули ходили по улицам и проверяли, как исполнен приказ.

За работой следили сечевики, благодаря чему немало коренных киевлян не понимали новых вывесок, так как каждый «стрелец» редактировал по-своему. «Центр тяжести приказа лежал не в том, чтобы все магазины имели обязательно украинские вывески, а в том, чтобы русские вывески были обязательно сняты. Русский язык не допускался даже наряду с украинским. Вообще время владычества Директории было временем самого необузданного украинского национализма и русофобии», – вспоминал бывший член Киевского исполкома Госдумы А. Гольденвейзер^[16].

17 декабря 1918 года было опубликовано распоряжение Директории, гласящее, что «пропаганда федерализма карается по законам военного времени». Затем были запрещены собрания и съезды, разогнаны профсоюзы и рабочие организации. Для прессы объявлена беспощадная цензура, для народа – осадное положение. Затем Коновалец пошел еще дальше, заявив, что все агитаторы, задержанные на месте дислокации националистических войск, подлежат незамедлительному расстрелу без следствия и суда. Вскоре расстрелы и террор стали практикой режима Директории. На протяжении полутора месяцев, вплоть до его освобождения 4 февраля 1919 года частями Красной армии, в Киеве шла настоящая «охота» на гетманцев, большевиков, евреев и просто лиц, в чем-то показавшихся новой власти «несвидомыми».

Понимая, что украинская власть в Киеве очень слабая, в январе 1919 года Коновалец ездил в Галицию и пытался договориться, чтобы власти ЗУНР прислали в Киев солдат-галичан. В конце концов из Галиции прибыло две тысячи человек – все, что могла оторвать от дел занятая борьбой с поляками Западноукраинская республика.

Формально Директория захватила власть на всей Украине, но фактически эта власть была не большей, чем у Центральной рады год тому назад. Против немецко-гетманского режима выступили десятки тысяч человек, но сразу же после свержения Скоропадского значительная часть этой массы вернулась в села для реализации своей победы и занялась

дележом земли и разгромом восстановленных во время гетманства господских имений.

Другая часть имела очень сильные пробольшевистские и анархистские настроения, и особенно рассчитывать на нее не приходилось, особенно в случае конфликта с большевиками. Единственными силами, на которые могла надеяться Директория, были небольшие отряды антибольшевистских «вольных казаков» (были и пробольшевистские) и сечевые стрельцы.

Как только гетманская власть была свергнута, принимавшие участие в ее свержении повстанческие отряды становились на сторону Советской власти. Так поступили атаманы Григорьев – в Херсонщине, Зеленый – под Киевом, Махно – в районе Екатеринослава. С Директорией они не считались и провозглашали Советскую власть (точнее, свою). Территория Директории таяла не по дням, а по часам, и к середине января большая часть Украины уже была вне ее власти. Одни районы были во власти большевиков и повстанческих украинских частей, сформированных большевиками на своей территории, другие – под властью сочувствующих большевикам «атаманов».

Понимая, что ей одной долго продержаться не удастся, так как народ в большинстве против нее, Директория искала союзников или в лице большевиков, или Антанты. Формальный лидер Директории Винниченко был за мир с Советской Россией, к такому же решению склонялось немало других украинцев. Тем более что деятели Директории фактически принимали всю программу большевиков, но с условием, чтобы власть осталась в руках у них, а не перешла к их конкурентам – украинцам из Харьковского правительства. Проще говоря, забота Директории была о том, как бы удержать власть, а вовсе не о том, как бы принести пользу своему народу, о чем они много и часто говорили. Однако у большевиков были свои лидеры, которые вовсе не горели желанием уступить власть, тем более что их поддерживали широкие массы простых крестьян и пролетариев. Поэтому коммунистические отряды двинулись на Киев. Директория назвала эти действия войной с Советской Россией, на что Москва отвечала, что войну ведет не она, а независимое Украинское советское правительство. И действительно, большая часть красноармейцев была уроженцами Малороссии, так что все заявления об агрессии северного соседа были беспочвенными. Просто социальные, общероссийские лозунги большевиков оказались сильнее национально-шовинистических лозунгов Директории, и за ними пошел народ.

Красное наступление

Поражение Германии привело к тому, что Брестский мирный договор превратился в пустую бумажку. Соответственно большевики, изгнанные немцами весной, теперь могли вернуться на Украину.

Осенью 1918 года на нейтральной земле между Украиной и Советской Россией из разрозненных революционных отрядов украинские большевики сумели создать две боеспособные воинские части: «полк имени Богуна», который возглавил Николай Щорс, и «Таращанский полк» под командованием Василия Баляса, которые должны были стать основой новой Украинской повстанческой армии. Вскоре под красными знаменами уже были две дивизии^[17], сформированные из выходцев из Украины.

В начале ноября красные начали поход на Украину и уже к 20 ноября заняли приграничные городки Рыльск и Ямполь. 25 ноября красные подошли к Гомелю, где на их сторону перешли солдаты-гетманцы из местного гарнизона. 28 ноября было провозглашено Советское Временное правительство Украины во главе с Григорием Пятаковым, а к началу декабря в двух повстанческих дивизиях было уже около 10 тыс. человек. С этими силами можно было смело начинать наступление, но большевики колебались. Во-первых, против них на юге России вел успешное наступление донской атаман Краснов и сражалась белая Добровольческая армия. Во-вторых, в Крыму и Одессе высадился десант войск Антанты. Поэтому коммунисты решили немного повременить с активными действиями. План большевистского наступления предусматривал захватить стратегическую железную дорогу из Харькова в Донбасс, после чего ударить с тыла по донским казакам. Чтобы не распылять силы, наступательных операций против Киева решили не проводить, а ограничиться взятием под свой контроль Донбасса и Екатеринослава. Лишь после этого можно было бы начать наступление на Киев.

Помимо Украинской повстанческой армии (большевистской), против армии УНР действовали отряды батьки Махно (примерно пять тысяч человек) и несколько тысяч повстанцев Екатеринославщины.

На восточной границе УНР в декабре 1918 года располагались следующие силы Директории под командованием полковника Болбочана: в районе Чернигова было 5 тыс. солдат из Серожупанной дивизии, в районе Прилуки – Нежин стоял 6-тысячный Черноморский кош. Харьковское направление прикрывал Запорожский корпус из 6 тыс. солдат. Кроме того, в тылу этих частей было еще около 8 тыс. человек в менее надежных отрядах.

12 декабря 1918 года началось наступление. 28 декабря красные партизаны, объединившись с махновцами, на несколько дней смогли захватить Екатеринослав. В это же время с Дона на Украину начали наступление белогвардейцы, захватившие Приазовье, а поляки в январе 1919 года захватили Ковель и Владимир-Волынский.

21 декабря 1918 года Вторая Украинская повстанческая дивизия перешла в наступление на Харьков. В течение недели красные разбили петлюровцев у городка Грайворон, у станции Казачья Лопань и у станции Городня. Когда красные отряды подошли к Харькову, в городе вспыхнуло восстание против петлюровцев. Полковник УНР Болбочан с уцелевшими бойцами бежал. Утром 3 января 1919 года в Харьков торжественно вошли красные войска. По такому же сценарию в руки коммунистов перешли города Изюм и Чугуев. Затем большевики

продолжили наступление, полностью разгромив Запорожский корпус УНР.

В январе 1919 года в большевистском украинском правительстве произошли изменения. Георгия Пятакова на посту председателя заменил Федор Сергеев (Артем), которого затем сменил Христиан Раковский. Главнокомандующим стал Антонов-Овсеенко. Глава Директории Винниченко в это время слал протест за протестом в Москву, требуя прекратить войну, на что Советское правительство неизменно отвечало, что Советская Россия не воюет против УНР, и советских войск на Украине нет. «Так что, дорогие паны, извиняйте, обращайтесь к Советскому правительству Украины», – усмехались в Первопрестольной.

На существенно сократившейся территории украинского Левобережья всю власть в свои руки взял полковник Болбочан, который, по сути, превратился в диктатора, мало оглядывавшегося на Директорию. Однако и единоличная власть не спасала дело УНР. Украинские полки стремительно деградировали и разлагались, превращаясь в слабоуправляемые банды, а солдаты массово дезертировали или переходили на сторону красных, крестьяне и горожане устраивали восстания. Попытки мобилизовать полтавских крестьян в армию Директории привела к тому, что местное население повернуло оружие против украинцев. 12 января красные захватили Чернигов. Апогеем развала украинской армии стало 15 января, когда против Директории в полном составе восстали две дивизии атаманов Зеленого и Данченко.

16 января Болбочан, под командованием которого оставалось шесть тысяч бойцов, вопреки приказу Петлюры, без боя сдал Полтаву и отступил на Кременчуг, тем самым открыв противнику прямой путь на Киев. Узнав об этом, взбешенный Петлюра отдал приказ об аресте Болбочана, но это не могло остановить красных.

16 января 1919 года Директория официально объявила войну Советской России. В связи с этим Директория передала Петлюре единоличное управление всеми военными делами. Новый военный диктатор разделил украинскую армию на Правобережный фронт, Восточный фронт и Южную группу. Войска Восточного фронта должны были контратаковать и отбить Полтаву и Чернигов. Правобережного – прикрывать Киев со стороны Полесья, Южной группы – оборонять Екатеринослав. Однако остановить красных петлюровцы уже не могли. После нескольких боев местного значения красный командир Дыбенко захватил Екатеринослав, а 2-я повстанческая дивизия разбила петлюровский Восточный фронт.

Когда красные начали наступление на Киев, сопротивление войск Директории было слабым и спорадическим. Поэтому Директория приняла решение вновь оставить Киев, и эсэсовцы Коновальца прикрывали бегство своего правительства. При этом среди отступающих началась паника, из-за которой второй полк СС просто отказался воевать и бежал с позиций.

Бегством Директории из Киева закончился ее 45-дневный «киевский период» и начался длинный период «пребывания на колесах», который завершился покаянием перед большевиками и переходом к ним на службу одной части деятелей Директории и уходом в эмиграцию другой ее части. За полтора месяца пребывания в Киеве Директория не сумела сделать ничего, что запомнилось бы потомкам, за исключением подписания договора об объединении с Западно-Украинской народной республикой, которое торжественно состоялось 22 декабря 1919 года. Впрочем, особой заслуги петлюровцев тут нет, так как переговоры начала еще гетманская администрация. Кроме того, это «объединение» в гораздо большей мере было декларацией, чем реальной унией двух находящихся в кризисе государств. Так что можно говорить лишь о благожелании, озвученном всенародно, но

так и не доведенном до стадии практической реализации. К тому же мало кто помнит, что в конце того же года «Акт Злуки» был денонсирован президентом ЗУНР Евгением Петрушевичем.

Оставив Киев, Директория на некоторое время задержалась в Виннице. Ее положение было исключительно тяжелым. Ни армии, ни сочувствия народа у Директории не было. В Галиции шла борьба галичан с Польшей, и рассчитывать на помощь оттуда больше не приходилось. Этот период совпал с волной страшных еврейских погромов, прокатившихся по всей территории, находившейся под властью Директории. В 180 населенных пунктах на территории Украины петлюровцы вырезали около 25 тыс. евреев.

Сама же Директория с несколькими тысячами оставшихся верными ей солдат перебиралась из города в город, спасаясь от наступающих советских частей. Несмотря на то что после падения Киева в разбросанной от Одессы до Полесья армии УНР все еще оставалось больше 30 тыс. человек, единственной надежной частью оставались только сечевые стрельцы. Евгений Коновалец, понимая, что его солдаты – это его единственное богатство, стремился лишней раз не рисковать и не вступать в бой, если можно было уклониться. Однако если приходилось драться, то галичане бились умело и расчетливо. И все же его отряд, громко названный корпусом, неуклонно таял. К марту в строю оставалось всего 4 тыс. стрельцов. Но снова помощь пришла с запада в виде нескольких тысяч новобранцев из Галиции, прибывших в армию УНР по договоренности с Петлюрой.

В апрельских боях за Бердичев сечевые стрельцы были разбиты и понесли серьезные потери. Моральный дух галичан падал все ниже и ниже. Тем более что против них сражались отряды местных коммунистов-украинцев. Галичане приходили к мысли, что они борются не за Украину, а за власть потерявшей популярность Директории над украинским народом. Получалось, что они идут против своего же народа. Они ощущали на себе враждебность местного населения, и все чаще в разговорах стрельцов звучала мысль вернуться домой в Галицию, которой нужна была помощь в борьбе с поляками.

1–3 мая в бою у Шепетовки корпус СС был еще раз разбит. Единственное, что спасало УНР от окончательного разгрома, – это то, что основные силы большевиков в это время были отвлечены на борьбу с белогвардейцами.

Весной 1919 года Директория развалилась. Грушевский и Винниченко предпочли эмигрировать, оставив Петлюру единоличным правителем уже не существующего государства. Вся контролируемая петлюровцами территория ограничивалась городом Ровно и его окрестностями. Вскоре и этот город пришлось оставить, и вся армия Петлюры превратилась в плохо организованный партизанский отряд, практически не способный ни на какие серьезные действия. К этому можно добавить, что в то время сами большевики всех выступавших против них называли «петлюровскими бандитами». Так они называли и отряды никому не подчинявшихся атаманов, которые действовали на Правобережье.

Под контролем УНР в мае 1919 года оставался маленький кусочек земли между городами Дубно и Броды. Вся армия Украинской народной республики насчитывала около 9000 человек, из них – 1500 эсэсовцев. Однако, собрав все силы в кулак, украинцы в июне попытались атаковать красных и в очередной раз были разбиты. Это был полный разгром. В полках оставалось по несколько сот человек.

В июле армия Петлюры оказалась зажата у Каменец-Подольского между Днестром на юге и Збручем на западе. Этот клочок земли размером 40 на 60 километров получил название «треугольник смерти». Как всегда, при неудачах начался поиск виновных и склоки

между своими. Власти УНР подозревали сечевиков в двурушничестве и готовности бросить фронт и уйти в Галичину, галичане в ответ подозревали Директорию в том, что та готова пожертвовать стрельцами ради удержания власти.

В мае Польша начала наступление на восток, и разрозненные банды, бывшие некогда петлюровской армией, стали сдаваться в плен или присоединяться к полякам. В своих воспоминаниях петлюровский министр И. Мазепа пишет: «Мы стояли перед дилеммой, к кому попасть в плен: к полякам или к большевикам».

Однако в это время Украинская галицкая армия ЗУНР вынуждена была под ударами поляков покинуть территорию Западно-Украинской республики и отступить на восток, где летом 1919 года соединилась с остатками петлюровцев. Это хоть и ненадолго, но продлило агонию УНР. Двум силам удалось заключить союз, и Петлюра был провозглашен главнокомандующим обеими армиями – Галицкой и Надднепрянской.

Украинская галицкая армия состояла из трех армейских корпусов, в которых было почти 50 тыс. человек при 550 пулеметах и 160 орудиях. Кроме того, это были регулярные подразделения с хорошей дисциплиной и сильным офицерским корпусом. Так что появление галичан коренным образом изменило расклад сил в регионе, и теперь красные оказались в меньшинстве. Ободренные этим украинцы смогли начать наступление и серьезно потеснить противника. Петлюра 2 августа огласил новый приказ – Киевскую директиву об общем наступлении. По замыслу атамана его армии должны были двумя группировками наступать по направлению на Киев и Одессу и к концу августа взять оба этих города.

Практически одновременно с петлюровцами польская армия атаковала большевиков и захватила город Ровно. Так что красным приходилось драться на три фронта одновременно, ведь Добровольческая армия генерала Деникина к середине лета 1919 года была уже в пределах Украины, наступая с востока на Киев и Одессу. Большевики бросили все свои силы на борьбу с Деникиным, и все Правобережье оказалось без сколько-нибудь значительных большевистских частей. Создались исключительно благоприятные условия для наступления украинских вооруженных сил, состоящих примерно из 10 тыс. петлюровцев и 40 тыс. галичан^[18]. В начале августа началось наступление, которое не встречало сопротивления из-за отсутствия противника.

Галичане под командой генерала Кравса быстро продвигались вперед и уже к концу августа были на подступах к Киеву. Когда Петлюра попытался присоединиться к ним, генерал Кравс категорически воспротивился этому. Как бывший австрийский офицер и человек правых убеждений, Кравс органически не выносил надднепрянских социалистических лидеров и «атаманов». В своем кругу он называл Петлюру «неудавшимся попом» и «цыганом», а социалистических лидеров-петлюровцев – «полубольшевиками».

Кроме того, к этому времени определилось резкое расхождение между петлюровцами и галичанами в вопросе об отношении к Деникину. Несмотря на то, что до войны Галиция была центром и рассадником украинского сепаратизма, галицкое правительство и армия были единодушны в желании самого тесного сотрудничества с русским патриотом Деникиным. Этот факт чрезвычайно важен, ибо он свидетельствует о том, с какой быстротой и легкостью галичане освободились от ненависти к России, которая десятилетиями культивировалась при поддержке австро-венгерского правительства в Галиции. А вот отношение петлюровцев к Деникину было резко отрицательным. И вовсе не по причинам национальным. Не надо забывать, что Петлюра и его сторонники были социалистами с большим уклоном к большевизму, а потому не смели рассчитывать на снисхождение в случае

победы «Белого дела». Кроме того, петлюровцы являлись бывшими подданными Российской империи, а поэтому в глазах Деникина были изменниками, с которыми надо было вести себя так же, как и с большевиками. Естественно, галичане как подданные Габсбургов от этих обвинений были избавлены.

30 августа^[19] к противоположным окраинам Киева одновременно подошли Добровольческая и Галицкая армии. На следующий день генерал Антон Кравс назначил торжественное вступление в Киев своей армии и парад на Думской площади, которая сегодня называется майданом Незалежности.

На следующий день, когда галичане строились для парада, эскадрон деникинцев мирно стал рядом с конной сотней галичан. Для описания дальнейших событий, думаю, стоит процитировать известного украиноведа Андрея Дикого: «Когда подъехал генерал Кравс, командир добровольческого эскадрона ему представился и изъявил желание рядом с украинским флагом, уже вывешенным на Думе, вывесить и русский, на что генерал Кравс согласился. Подъем русского флага вызвал взрыв энтузиазма многотысячной толпы киевлян, запрудивших Думскую площадь и Крещатик. Это вызвало негодование подъехавшего петлюровского «атамана» Сальского. Он приказал галичанам снять русский флаг, но галичане отказались выполнить его приказание. Тогда по приказу Сальского один из его политических единомышленников сорвал русский флаг и бросил под ноги лошади Сальского, который начал его демонстративно топтать. Ошеломленная этой выходкой толпа разразилась криками негодования, а добровольцы дали в воздух несколько залпов и пулеметных очередей. Наступило всеобщее смятение. Виновник всего – Сальский галопом бросился удираť по направлению к Бессарабке, следом за ним побежал его небольшой отряд «гайдамаков»; галичане же в полном порядке отошли в близлежащие улицы. Под улюлюканье киевлян Сальский и его петлюровское «войско», бросая оружие, пробежали по Васильковской улице и небольшими группками рассеялись в районе киевского предместья – Демиевки. Так столица Украины встретила тех, кто самозванно хотел навязать ей свою волю». Одновременно добровольцы начали разоружать и украинские части. К вечеру в плену у белогвардейцев было до трех тысяч украинцев. Связавшись с командующим добровольцами генералом Бредовым, генерал Кравс поехал к нему для выяснения недоразумения. Галичанин заверил Бредова, что его солдаты действуют независимо от армии УНР и ей никак не подчинены. К этому времени подъехала из Фастова делегация петлюровского правительства во главе с Омеляновичем-Павленко и хотела принять участие в разговоре с генералом Бредовым. Но Бредов отказался их принять и приказал передать, что если они появятся, то он их арестует. Петлюровцы немедленно вернулись назад. С Кравсом генерал заключил соглашение о немедленном отводе частей Галицкой армии на один дневной переход на запад, что и было выполнено 1 сентября. В этот же день по Киеву был расклеен приказ генерала Бредова, гласивший, что «...отныне и навсегда Киев возвращается в состав единой и неделимой России».

Киевские события произвели огромное впечатление как на петлюровцев, так и на галичан. Петлюровский премьер Мазепа по этому поводу позже напишет: «Чужой нам Киев сразу же поспешил дать деникинцам всякую помощь, начиная от обычных информации и кончая вооруженными отрядами местных добровольцев». То, что якобы украинская столица была «чужой» для украинцев, заметил не только петлюровский премьер, но и тысячи галичан, бывших свидетелями восторженного приема деникинцев в Киеве. Так галичане окончательно убедились, что все разговоры о необычайной популярности Петлюры –

мыльный пузырь, и начали об этом открыто говорить и критиковать действия всей петлюровской верхушки. Антагонизм между галичанами и петлюровцами рос изо дня в день. Дело доходило до того, что галичане физически расправлялись с петлюровскими комиссарами, пытавшимися в своем социалистическом духе просвещать солдат УГА.

Петлюра и его окружение стремились, вопреки воле Галицкой армии, поскорее развязать войну против Деникина. Борьба против Деникина автоматически делала их союзниками большевиков и открывала возможности для соглашения с красными в случае их победы.

Кроме того, убедившись, что галичане не собираются становиться его верными помощниками, 3 сентября 1919 года Петлюра за спиной УГА заключил союзный договор с Польшей, уступив ей Галицию и Прикарпатскую Русь.

22 сентября головной атаман Петлюра издал приказ о начале войны против Деникина. Одновременно Петлюра послал своего уполномоченного к Ленину с предложением о сотрудничестве Директории с большевиками. Не дожидаясь, пока Ленин пришлет помощь петлюровцам, белогвардейцы нанесли сокрушительный удар, и через пару дней все петлюровское войско беспорядочно бежало на запад к бывшей австрийской границе, на которой теперь стояли поляки.

Галицкая армия в это время окончательно разорвала отношения с петлюровцами и перешла на сторону Деникина. Между нею и командованием Доброармии было заключено соглашение следующего содержания: «Галицкая армия в полном составе, с этапными установлениями, складами и железнодорожным составом, переходит на сторону Доброармии и отдается в полное распоряжение Главного командования Вооруженных сил Юга России через Командующего Войсками Новороссийской области»^[20].

В начале августа, продвигаясь на восток, петлюровцы рассчитывали, что их армия будет расти, как снежный ком, благодаря притоку добровольцев. Они верили, что народ ждет Петлюру и с восторгом относится к его политике. Однако за четыре месяца петлюровская армия потеряла более половины своего состава. И не в боях, а главным образом от дезертирства.

Осенью 1919 года начались первые столкновения войск УНР с деникинцами на Подолье. Белые части активно наступали, очищая пространства Малороссии как от красных, так и от петлюровцев. Под ударами белогвардейцев украинский фронт стремительно распался, а уже 17 ноября Украинская армия, по сути, перестала существовать, распавшись на несколько частей, в панике бегущих к польской границе. К началу зимы деморализованные остатки петлюровской армии оказались зажаты между польскими, красными и белыми войсками на маленьком участке земли около города Любар. Между загнанными в угол украинцами началась взаимная борьба, большинство бойцов просто дезертировало, некоторые отряды переходили на сторону большевиков. Симон Петлюра отправился на поклон к полякам, пытаясь договориться с ними о спасении и совместных действиях против большевиков.

В это время отряд сечевых стрельцов, бывший опорой украинской власти с самого начала гражданской войны, официально был демобилизован, так как, по заявлению Коновальца, они больше не видели смысла в продолжении вооруженной борьбы. Вскоре большая часть уцелевших унровцев сдалась полякам, после чего оказалась заперта в лагерях для военнопленных. Оставшиеся на свободе перешли к партизанским действиям в тылу белых войск.

По сравнению с абсолютно управляемым немцами гетманским режимом, Директория имела гораздо больше самостоятельности, но все же и Петлюра активно искал себе покровителей, с которыми был готов расплачиваться богатствами Украины.

Пока еще в стране были немецкие войска, Директория сделала все, чтобы они беспрепятственно вывезли свои трофеи. После того как германцы ушли, петлюровцы стали ориентироваться на Антанту. Деятели Директории просили у стран Антанты финансовой и военной помощи для борьбы против Советской России. Откликнулись французы^[21], которые согласились вести переговоры с УНР на следующих условиях:

- 1) передача Франции концессий на все украинские железные дороги сроком на 50 лет;
- 2) подписание Директорией обязательства об уплате Франции причитающихся ей долгов старого царского и Временного правительств;
- 3) вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины в течение пяти лет со дня подписания договора должна вестись под непосредственным контролем представителей французского правительства.

В ответной ноте Украинского правительства говорилось: «Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной областях в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками, и, наконец, Директория надеется, что Франция и другие державы Соглашения проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях»^[22].

Однако стремительное наступление Красной армии не позволило установить над Украиной французский протекторат, а высадившимся в Одессе французским войскам пришлось весной 1919 года возвращаться на родину.

После киевского конфуза 1919 года Петлюра стал искать защиты у поляков. В итоге он договорился, что Речь Посполитая признает УНР в обмен на Западную Украину и бывшие Волынскую и Подольскую губернии Российской империи. Кроме того, Петлюра гарантировал неприкосновенность владений польских помещиков на Украине, обещал возместить им убытки, понесенные из-за революции, предоставить различные торговые льготы и т. д.

В апреле 1920 года состоялось подписание Пилсудским и Петлюрой политической конвенции, по которой Директория признавалась верховной властью на Украине. За это Петлюра, по сути, отдавал польским панам все украинские земли на западе от Днепра. Кроме того, на период войны против большевиков Украинское правительство обязалось кормить польскую армию. Также Конвенцией подробно был разработан порядок оккупации Украины и распределения будущей военной добычи. Таким образом, Петлюра и его «министры» обязались превратить Украину в протекторат Польши.

Затем польские войска начали стремительное наступление и, в конце концов, сумели дойти до Киева. В этом походе участвовали и немногочисленные вновь воссозданные петлюровские части.

До 1917 года восточная часть Донецкой и Луганская области современной Украины входили в состав земель Донского казачьего войска. Бурное развитие промышленности в регионе в конце девятнадцатого века вызвало сюда приток работников из Центральной России, которых казаки называли иногородними. Эти люди шли работать на шахты и заводы, начинали торговлю, многие из них оставались тут на постоянное жительство. Это способствовало экономическому росту края, но вело к появлению напряженности в отношениях между казаками и пришлым людом. Будучи военным сословием, казаки свысока смотрели на мужиков-рабочих, а в иногородних капиталистах видели угрозу своему образу жизни. В свою очередь, осевшие в Донских землях иногородние были недовольны привилегиями коренных жителей и видели в существовании казачьих войск анахронизм. Иногородние рабочие хотели улучшения условий труда, а иногородние крестьяне хотели получить равные с казаками права на владение землей. Кроме того, казачьи части активно применялись имперским правительством для разгона рабочих выступлений, что не добавляло любви между казаками и рабочими. После подавления революции 1905 года казаки стали кровными врагами для всех революционных партий и организаций.

После революции 1917 года напряженность между рабочими и казаками вылилась в открытое противостояние. После того как революционные власти стали брать под свой контроль предприятия, казаки выступили в защиту старых порядков. Казачьи сотни занимали шахты и упраздняли новое руководство и возвращали прежнюю администрацию. При этом не признавшие большевистской власти казаки действовали не только на своих землях, но и переходили границы Всевеликого войска Донского. В ответ большевики Харькова, являвшегося тогда, по сути, административным центром Донецкого и Криворожского бассейнов, объявили мобилизацию и отправили для защиты шахт отряд красновардейцев, который на местах пополнялся местными рабочими. После нескольких боев Красная гвардия выбила казаков из основных донбасских городков. Так что осенью 1917 года в Донбассе уже шла Гражданская война, хотя традиционно считается, что она началась лишь весной следующего года с восстания чехословацкого корпуса.

25 декабря 1917 года казачий партизанский отряд под командованием Василия Чернецова снова захватил Дебальцево, а 31 декабря – Ясиновский рудник в Макеевке, казнив при этом местных большевиков и 50 бывших австрийских военнопленных, перешедших на сторону красных.

Об этом командире стоит сказать особо. За храбрость во время Первой мировой он получил Георгиевское оружие и чин есаула. В начале 1917 года раненый Василий Михайлович был отозван с фронта и назначен комендантом Макеевского горного района, где приложил немало сил для усмирения рабочих выступлений. После Октябрьской революции Василий Михайлович собрал вокруг себя отряд добровольцев, во главе которого начал борьбу с большевиками. Этот отряд стал одной из немногих боеспособных частей атамана Каледина и многократно перебрасывался с одного участка фронта на другой. Нужно помнить, что в это время большинство казаков были еще очень аполитично настроены и воевать не хотели, а Красная и белогвардейская Добровольческая армия были лишь в задумках их вождей. Так что немногочисленный, даже в лучшие времена насчитывавший всего шесть сотен всадников, но чрезвычайно активный отряд из добровольцев Чернецова был грозной силой в регионе. Сам

Чернецов получил чин полковника и прозвище «усмирителя Донбасса». Однако вскоре большевистские идеи нашли отклик у казаков, и на Дону была установлена Советская власть. В начале 1918 года раненый Чернецов попал в плен к красным казакам и был убит 21 января. По одной из версий, он погиб при попытке бегства, по другой, описанной Шолоховым в «Тихом Доне», был просто казнен конвоирами. Остатки чернецовского отряда влились в ряды Партизанского полка белой Добровольческой армии и ушли на Кубань. А 29 января покончил жизнь самоубийством донской атаман Каледин, в своем предсмертном письме генералу Алексееву объяснивший свой поступок «отказом казачества следовать за своим атаманом».

23 марта 1918 года в Ростове была провозглашена Донская Советская Республика (ДСР) в составе РСФСР, в которую формально вошли и восточные земли Донбасса. Хотя эти же земли были объявлены частью Донецко-Криворожской республики (ДКР) со столицей в Харькове, провозглашенной десятью днями раньше. Дальнейшие судьбы ДСР и ДКР были похожи – и ту и другую республику захватили немцы.

После поражения Германии в войне и ухода оккупационных войск большевики развернули наступление, взяли под свой контроль восток Украины и вторглись в донские земли. Но уже в начале 1919 года белогвардейские части войска на юге объединились в Вооруженные силы Юга России под командованием Деникина, выбили красных с Дона и начали наступление, вскоре вступив на Украину.

Донбасс был чрезвычайно важным промышленным регионом, а его угольные запасы имели стратегическое значение^[23], так что за этот край в годы Гражданской войны шли жестокие бои, а некоторые города переходили из рук в руки по десятку раз. Судьба свела в регионе наиболее талантливых полководцев, ярких политиков и лучшие войска всех участвовавших в братоубийственной бойне сторон.

Интересно, что именно в Донбассе состоялось первое в Гражданской войне боевое применение нового для России вида оружия – танков. В мае 1919 года в районе железнодорожных станций Ханжонково, Ясиноватая и Попасная деникинцы бросили в бой Первый танковый дивизион Вооруженных сил Юга России, состоявший из 16 английских танков, которыми управляли русские офицеры.

Начальник штаба 3-й пехотной дивизии ВСЮР генерал Штейфон так описал эффект от применения танков^[24]: «Танки были приданы наиболее сильным частям и произвели действительно должный эффект. Первые красные части, заметив какие-тодвигающиеся машины, не уяснили, по-видимому, их роль, но когда, несмотря на огонь, свободно преодолевая местные препятствия, танки врезались в неприятельское расположение и стали в полном смысле уничтожать красные цепи, разразилась полная паника. Весть о появлении танков быстро разнеслась среди большевистских войск и лишила их всякой сопротивляемости. Еще издали, завидев танки, большевики немедленно очищали свои позиции и поспешно отходили. Учитывая тот ужас, какой нагнали эти машины на большевиков, многие части стали устраивать из повозок и иного рода подручного материала подобие танков и маячить издали. Маскарад имел успех и еще больше поднимал бодрый дух наших войск.

У станции Попасная произошло единоборство танка с красным бронепоездом. Это редкое и интересное состязание закончилось печально для обеих сторон. В бою участвовал тип так называемого тяжелого танка. Удачным попаданием он подбил паровоз бронепоезда, а последний, в свою очередь, повредил танк. Указанный эпизод еще более устрасил красных и

внушил ужас даже неприятельским бронепоездам. Пробивая путь этими чудовищами, наша пехота и конница быстро и без особых потерь очистила Донецкий бассейн. Войска Добровольческой армии снова заняли Юзовку, Ясиноватую, Криничную, Дебальцево».

Впрочем, бронированные чудища недолго пылили по донецким дорогам – вскоре после дебюта чудо-оружие было переброшено на Царицынский фронт.

* * *

К концу июня 1919 года основные силы Добровольческой армии вплотную подошли к Харькову. Красные отбивались отчаянно, но были разбиты. 25 июня белые взяли город под свой полный контроль. При этом особенно отличились «дроздовцы», под командованием полковника А.В. Туркула первыми ворвавшиеся в Харьков. Победители первым делом провели торжественный парад и вернули юлианский календарь, отмененный большевиками. Харьковчане встретили деникинцев с симпатией. В первые же дни в Добровольческую армию вступило несколько тысяч харьковчан, желавших сражаться против большевиков. Генерал Деникин писал, что если 18 мая его армия насчитывала 9600 бойцов, то через неделю после взятия Харькова ее численность, несмотря на потери, выросла до 26 000 бойцов.

На юге Украины белые также стремительно наступали. 18 июля они выбили красных из Николаева. 24 августа морским десантом, который поддержали местные повстанцы, солдаты переправившегося из Крыма Сводно-драгунского полка освободили Одессу. Интересно отметить, что в белогвардейском десанте было всего около 800 человек, а город обороняло до 10 тыс. красноармейцев с хорошей артиллерией и бронепоездами. Но всего за день город с полумиллионным населением был очищен от большевиков. Во многом этому помогло то, что одесситы в своей массе относились к красной власти резко негативно, а крестьяне окрестных сел вообще подняли вооруженное восстание против красных.

Таким образом, к концу лета весь юго-восток и значительная часть центральных областей современной Украины оказались под контролем белогвардейцев.

Возрождение Польши

После поражения Австро-Венгрии и Германии в 1918 году свою страну начали строить и поляки под руководством амбициозного Юзефа Пилсудского. Еще в далеком 1887 году за участие в подготовке покушения на Александра III Юзеф был приговорен к пятилетней ссылке, а его брат Бронислав получил 15 лет каторги. Отсидев свой срок, поляк не успокоился и продолжил революционную деятельность, вступив в польскую социалистическую партию. В годы Русско-японской войны он отправился в Страну восходящего солнца и там предложил создать антирусскую часть из польских пленных. Японское командование идею не поддержало, но зато выдало активному революционеру 20 тысяч фунтов стерлингов на разведывательную деятельность. Вернувшись в Польшу, Пилсудский организовал боевые группы, принявшие активное участие в революции 1905 года. Своих боевиков Пилсудский содержал благодаря средствам, добытым с помощью грабежей банков. Незадолго до начала Первой мировой войны Пилсудский перебрался в австрийскую Галицию, где при поддержке властей начал создавать военизированные польские организации, с началом войны развернутые в полноценные боевые части – легионы. Три года легионеры Пилсудского воевали против России, но когда стало понятно, что Германия проигрывает войну, Пилсудский решил начать самостоятельную игру. За это немцы распустили легионеров, а их создатель некоторое время провел под арестом. 8 ноября 1918 года он был освобожден, а 11 ноября был избран временным начальником вновь созданного польского государства. Правда, у государства еще не было признанных границ, так что поляки под шумок всеобщего кризиса стали спешно брать под свой контроль все окрестные земли. В умах наиболее радикальных польских политиков уже возникла идея восстановления Речи Посполитой от моря до моря. На севере у разбитых немцев были отобраны Позен и Померания, а на юге поляки объявили своими земли Галиции и Волыни, где им пришлось столкнуться с галичанами-украинцами.

В свое время, борясь с Россией, польские политики сделали немало, чтобы население края из русских превратилось в украинцев, но, даже перестав быть русскими по духу, галицкие русины остались врагами поляков. Так что, когда австрийская империя стала распадаться, украинские политики также заявили, что они создают собственное государство. 18 октября во Львове был создан парламент украинцев Австро-Венгрии, получивший название Украинский национальный совет. Он провозгласил своей целью создание украинского государства, включающего в себя Галицию, Буковину и Закарпатье. Главной ударной силой Совета стали части сечевых стрельцов, которые в ночь на 1 ноября 1918 года взяли под свой контроль наиболее важные города региона. 13 ноября была провозглашена независимость Западно-Украинской народной республикой (ЗУНР), президентом которой стал Евгений Петрушевич.

В ответ поляки, которых в крае было до четверти всего населения, объявили о том, что Галиция присоединяется к остальной Польше. Наиболее решительные сторонники вхождения Галиции в Речь Посполитую даже подняли вооруженное восстание во Львове. На помощь соотечественникам устремились добровольцы из коренных земель Польши.

21 ноября 1918 года польские войска взяли Львов, изгнав оттуда украинскую власть. Не упустили своего шанса и другие соседи. Румынская армия оккупировала Черновцы, а Ужгород был занят чехословацкими войсками. Правительство ЗУНР пыталось

сопротивляться и провело мобилизацию в Украинскую галицкую армию (УГА), которая должна была отстаивать независимость молодого государства. Однако зимой 1919 года УГА была разбита сначала чехами в Закарпатье, а месяц спустя – поляками подо Львовом. Еще полгода галичане отбивались, теряя одну область за другой, пока вся территория ЗУНР не была оккупирована. Прижатая к восточной границе республики, реке Збручу, УГА 7 июня пошла ва-банк, начав наступление на Львов (Чорткивскую офензиву). Однако, несмотря на все усилия галичан, поляки, которых вел в бой специально приехавший в город Пилсудский, победили. Уцелевшие подразделения УГА были вынуждены оставить территорию ЗУНР и перейти на земли УНР, почти на полгода став невольными подчиненными Петлюры. Галиция же досталась победителям-полякам. Однако только этим регионом аппетиты Речи Посполитой не ограничивались. Уже с 1918 года поляки начали поход на восток, стремясь выйти на границы 1772 года. Зимой 1918/19 года поляки захватили часть земель Литвы, Беларуси и УНР, после чего столкнулись с Красной армией Советской России. Так началась польско-советская война. Первоначально поляки были в более выигрышном положении, так как весной – летом 1919 года основные силы красных были отвлечены на борьбу с белогвардейцами Деникина на юге и Колчака на востоке. В августе поляки захватили Минск и Бобруйск. Затем между поляками и красными было заключено перемирие и начались переговоры, которые, правда, ничем не закончились, но зато дали возможность противникам заняться внутренними проблемами.

В 1920 году война вспыхнула вновь. 25 апреля 1920 года польские войска и присоединившиеся к ним петлюровцы перешли в наступление на всем фронте. При этом если в Белоруссии силы противников были примерно равными, то на Украине поляки имели трехкратное численное превосходство. Слабые красные части были смяты, и польская армия стремительно двинулась в глубь Украины. 26 апреля поляки взяли Житомир и Коростень, 6 мая – Белую Церковь. Спустя день передовые части Пилсудского без боя вошли в оставленный большевиками Киев. 1-я дивизия легионеров перешла Днепр и захватила плацдарм на его левом берегу, откуда можно было продолжать наступление.

Однако это был апофеоз польского наступления. Красное командование срочно перебрасывало на западный фронт свежие силы, в том числе отозванную с Кавказа легендарную Первую Конную армию под командованием Семена Буденного.

14 мая в Белоруссии началось контрнаступление войск Западного фронта под командованием Михаила Тухачевского. Чуть позже на Украине начал наступление советский Юго-Западный фронт под командованием Александра Егорова^[25], основной ударной силой которого была конница Буденного. 5 июня на Украине Первая Конная армия атаковала противника, прорвала фронт и заставила поляков отступать. 8 июня красная конница взяла Житомир и Бердичев, а через четыре дня Киев снова стал советским^[26]. Затем Первая Конная повела наступление на Ровно, по пути разгромив 3-ю и 6-ю польские армии. 4 июля Ровно был взят, и красные части двинулись на Львов.

По первоначальному плану войны советский Юго-Западный фронт должен был из Украины повернуть наступление на Брест и тем самым поддержать наступление Западного фронта Тухачевского. Однако Тухачевский стремительно наступал и в поддержке не нуждался. 26 июля передовые части его армии вошли на польскую территорию, а 1 августа взяли Брест.

Поэтому было решено изменить направление главного удара Юго-Западного фронта и двинуть его армии на Львов^[27]. Так началась битва за столицу Галиции. 26 июля Красная

армия овладела Бродами и Тернополем, и Первая Конная армия начала атаку на Львов. Тут поляки наконец-то сумели закрепиться и оказать достойное сопротивление. Начались жестокие, кровопролитные бои. 29 июля поляки нанесли контрудар, из-за которого Первая Конная армия даже была вынуждена на некоторое время отступить. Поляки смогли вернуть себе Броды, после чего в первых числах августа на львовском направлении наступило некоторое затишье, во время которого противники приводили свои части в порядок. Однако 12 августа Первая Конная армия вновь перешла в наступление. Через два дня она снова захватила Броды и вышла на берега Западного Буга.

В это время советское наступление Тухачевского в Польше выдохлось, и он потребовал себе в помощь перебросить армию Буденного. Егоров, которого поддержал Сталин, отказался выполнять этот приказ, мотивируя это тем, что Конармия уже увязла в боях и вывести ее невозможно, поэтому Тухачевский должен подождать, пока не падет Львов. Несколько дней шло препирательство между командованиями фронтов, пока 20 августа в спор не вмешался всемогущий Лев Троцкий. По его приказу Первая Конная прекратила уже практически выигранное сражение и отправилась под Варшаву, где Тухачевский попал в польскую ловушку и был разбит. Естественно, Буденный не успел, да и не мог успеть на помощь Тухачевскому. Идя на соединение с Тухачевским, Первая Конная вынуждена была атаковать сильно укрепленные позиции врага под Замостьем, которые вместе с поляками обороняли украинские солдаты из 6-й стрелковой дивизии армии УНР под командованием полковника Марка Безручко, а также белорусские солдаты атамана Булак-Балаховича. Пока буденновцы пытались прорвать оборону врага, поляки сумели перебросить в тыл к красным крупные воинские части, и Конармия вскоре попала в окружение, но сумела с боями прорваться.

Из-за поражения советского Западного фронта большевики были вынуждены пойти на крайне невыгодный мир с Польшей, по которому Речи Посполитой доставались Западная Украина и Беларусь.

Прения о том, кто был прав в споре двух фронтов и на ком лежит вина за разгром Западного фронта под Варшавой, начались практически сразу же. По версии Тухачевского, поражение произошло из-за того, что ему вовремя не оказали помощи. Однако оппоненты, главным из которых был Сталин, возражали, что приказ перебросить Конармию пришел слишком поздно и поэтому, даже если бы Буденный выступил сразу, он все равно не мог бы успеть. Вместе с тем этот приказ спас польские войска во Львове, который уже был на три четверти окружен. Кроме того, Тухачевский при наступлении на Варшаву допустил целый ряд просчетов, а в критический момент самоустранился от командования гибнущими армиями. Так что вина исключительно на Тухачевском и его покровителе Троцком.

Сегодня установить истину уже невозможно. Однако можно предположить, что если бы Конная армия продолжила идти на Львов, до которого оставалось 5–7 километров, то Галиция была бы очищена от польских войск. Это позволило бы с более сильных позиций вести переговоры о мире и, возможно, привело бы к тому, что Западная Украина уже в 1920 году вошла бы в состав УССР. Ну а это, в свою очередь, полностью бы изменило политическую историю Украины, не возникло бы ОУН и УПА, не было бы столь сильного разделения между Востоком и Западом страны...

К осени 1919 года наступавшая на Москву Белая армия потерпела сокрушительное поражение и была вынуждена отступать, в том числе и с Украины. Генерал Деникин 2 апреля 1920 года покинул свой пост и остатки отступившей в Крым армии. Новым главнокомандующим белыми силами был избран барон Петр Врангель. Хотя положение было катастрофическим, новый командующий рьяно взялся за дело и сумел частично восстановить разгромленные годом ранее белые армии.

Понимая, что ресурсы Крыма минимальны и не позволят продержаться долго, барон решает идти ва-банк и атаковать красных, отбить Донбасс, прорваться на Дон и Кубань и поднять там антибольшевистское восстание. Шансы на успех задуманного были минимальны, но Петр Николаевич Врангель надеялся, что война с Польшей отвлекла лучшие силы большевиков и он сумеет справиться. Хотя уже в это время красные отряды атаковали Перекоп и 13 апреля ворвались в Крым. Однако лихой генерал Яков Слащёв контратаковал и выбил красных с полуострова. На следующий день, собрав в ударный кулак корниловцев и марковцев, Врангель перешел в наступление и отеснил большевиков. В результате этих боев красное командование приняло решение отложить вторжение в Крым. Так что это была первая победа барона, поднявшая дух его армии. Не стесняясь жестких мер, Врангель укрепляет дисциплину в армии и переименовывает ее из «Вооруженных сил Юга России» в «Русскую армию».

В июне 1920 года Русская армия переходит в наступление, окружает и практически полностью уничтожает в районе Мелитополя двенадцатитысячную красную кавалерийскую группу Жлобы. Благодаря этой победе армия Врангеля перехватила инициативу и начала наступление на Каховку, Екатеринослав и Донбасс. Все лето шли ожесточенные бои, в которых врангелевцы сумели раздвинуть границы своей территории, но убедительных побед не достигли. В сентябре Русская армия атаковала по направлению на Донбасс. К 16 сентября была разбита Верхнетокмакская группировка Красной армии. Белогвардейцы заняли Токмак, Пологи, Орехов, Гуляй-поле, Бердянск (современная Запорожская область). 28 сентября врангелевцы захватили Волноваху и Великоанадоль, 30 сентября Русская армия подошла вплотную к Юзовке (сегодня называется Донецк). Однако уже на следующий день барону пришлось остановить наступление в Донбассе и срочно снимать отсюда части для переброски к Днепру, где под Каховкой для белых сложилась критическая ситуация. В результате донецкие красноармейцы оправались от ударов и перешли в контрнаступление. В начале октября Врангель приказал начать отступление.

Русская армия вернулась на Крымский полуостров, который белые попытались оборонять. Однако в ноябре объединенные силы большевиков и махновцев под общим командованием М.В. Фрунзе прорвались в Крым. Окончательный проигрыш белого дела стал понятен всем. Более ста тысяч бойцов Русской армии и членов их семей организовано были эвакуированы из портов полуострова в Константинополь.

17 ноября 1920 года Крым полностью был взят под контроль Красной армии. В плен попало более 50 тыс. бывших врангелевских солдат и офицеров, не сумевших или не захотевших эвакуироваться. До падения Крыма большевики обещали амнистию всем сдавшимся, но после победы исполнять обещание не посчитали нужным, на полуострове начался красный террор. Согласно революционным взглядам, поголовному истреблению

подлежали все офицеры и военные чиновники, а также солдаты «цветных частей». Большевики и анархисты не щадили даже медработников и раненых в госпиталях. Сколько человек точно было казнено в это страшное время, сегодня сказать нельзя. Исследователями называются числа в диапазоне от 12 тыс. до 120 тыс. человек.

Крым стал могилой не только для Русской армии. Здесь же красные внезапно атаковали своих союзников – анархистов из Революционной повстанческой армии Украины (РПАУ) Нестора Махно. Анархисты за время Гражданской войны несколько раз то вступали в союз с большевиками, то начинали войну с ними. 2 ноября 1920 года Махно в очередной раз заключил союз с Красной армией и отправил отряды своих анархистов под командованием Семена Каретника на Крымский фронт. В боях за Крым махновцы отличились, форсировав Сиваш и разбив белый кавалерийский корпус генерала Барбовича. Однако после разгрома белогвардейцев махновцы для коммунистов из союзников превратились в потенциальных соперников, и поэтому было принято решение уничтожить их. Отряд РПАУ был внезапно атакован, но сумел вырваться. Однако красная кавалерия догнала анархистов и уничтожила их. Лишь несколько чудом выживших анархистов принесли батьке Махно в Гуляйполе весть о гибели лучшей части его армии.

После разгрома Врангеля и падения Крыма большевики взялись за истребление махновцев и прочих противников на территории Украины. Окруженный со всех сторон превосходящими силами Махно сражался мастерски, раз за разом выскакивая из ловушек. Его таявшая на глазах повстанческая армия в ноябре 20-го года смогла прорваться из Крыма в Екатеринославскую губернию и почти три месяца металась по Донбассу и Харьковской губернии, то уходя от погони, то атакуя. Вернувшись в феврале 1921 года в родной Гуляйполе, Махно столкнулся с апатией местного населения, не желавшего больше воевать под черными знаменами. С оставшимися верными соратниками Махно прошел рейдом через Донбасс на Волгу и Северный Кавказ. Там ему тоже не удалось достичь успеха, и в августе 1921 года Махно, пройдя всю Украину с востока на запад, перешел румынскую границу, став эмигрантом.

К осени 1921 года последние организованные отряды врагов «рабоче-крестьянской» власти были уничтожены или бежали.

* * *

18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР с одной стороны и Речью Посполитой с другой. Высокие договаривающиеся стороны определили новые границы, а также обязались не вести враждебной деятельности.

После этого Симон Петлюра оказался больше не нужен полякам. Более того, теперь находящиеся в польском тылу украинские части были просто опасны для Речи Посполитой, и их нужно было или разоружить, или отправить за границу. В итоге лидеры УНР приняли решение со своими отрядами начать партизанский рейд^[28] на территорию Советской Украины. Польская разведка обещала свою всяческую помощь в этом мероприятии. Расчет был на то, что одно появление петлюровцев приведет к массовым восстаниям крестьян, которые сметут Советскую власть.

Во время Гражданской войны большевики действительно обозлили крестьян своей откровенно грабительской «политикой военного коммунизма». Против большевистских

продотрядов частенько вспыхивали вооруженные восстания по всей стране. Но еще в марте 1921 года коммунисты начали проводить в жизнь новую экономическую политику, снявшую социальное напряжение в обществе. Отныне вместо продразверстки вводился фиксированный налог на продукты сельского хозяйства, который назначался еще до весеннего посева, чтобы каждый крестьянин мог заранее рассчитать, какую долю урожая он должен отдать государству и сколько продуктов останется в его полном распоряжении. Кроме того, налог взимался без круговой поруки, чтобы старательному и трудолюбивому хозяину не приходилось платить за неаккуратного односельчанина. Излишки зерна крестьяне могли свободно продавать. Так что теперь у крестьян не было никакой необходимости браться за оружие и восставать против Советской власти.

Однако петлюровцы не придали этому значения, надеясь, что их идеи найдут отклик в народе. По согласованию с польской властью из оказавшихся в Польше украинцев была создана Повстанческая армия, состоявшая из трех групп: Волынской, Бессарабской и Подольской. Командовал этой армией генерал-хорунжий Юрко (Юрий) Тютюнник. В конце октября – начале ноября 1921 года все три группы в разных местах перешли границу и начали поход на Украину. Сам генерал вел самую многочисленную армейскую группу – Волынскую.

Это была авантюра чистой воды, которая закономерно закончилась полным провалом. Против воинства Тютюнника была брошена кавалерийская дивизия под командованием легендарного Григория Котовского, и вскоре большая часть перешедших границу украинцев попала в плен или погибла. Только полтора сотням человек из Волынской группы удалось бежать в Польшу. Среди спасшихся был и Тютюнник, бросивший на произвол судьбы солдат, которых привел на смерть.

На этом Гражданская война закончилась.

Оставшийся не у дел Симон Петлюра эмигрировал сначала в Австрию, а затем, в октябре 1924 года, перебрался во Францию, где 25 мая 1926 года был убит поэтом Самуилом Шварцбардом, таким образом отомстившим^[29] за учиненные петлюровцами во время Гражданской войны еврейские погромы. Застрелив Петлюру, мститель сдался полиции, заявив, что убил убийцу. Суд над ним начался только через полтора года. После рассмотрения всех обстоятельств Самуил Шварцбард был оправдан большинством присяжных и незамедлительно освобожден из тюрьмы.

Существует мнение, что коммунистическая власть была противником украинской национальной идеи, однако при внимательном изучении вопроса становится ясно, что это не так. Более того, без большевистской национальной политики никогда бы не появились ни Украина, ни украинцы, какими мы их знаем сегодня. И речь не только о том, что именно большевики собрали в одних границах все те земли, которые составляют сегодняшнее Украинское государство.

Начнем с того, что к началу Гражданской войны украинского народа еще не существовало. Жители юго-западной части Российской империи в своем большинстве не задумывались о своей особой национальной принадлежности, считая себя «русскими», «местными», «православными»... Лишь незначительная часть сознательно объявила себя украинцами, вкладывая в это определение не столько национальный, сколько политический смысл. Так что в это время власть могла как нивелировать существовавшую небольшую разницу между малороссами и великороссами, так и углубить раскол, сознательно поддерживая выделение украинцев как особого этноса из числа русских субэтносов. Ленин и его единомышленники выбрали второй вариант, хотя многие коммунисты понимали, что серьезных причин для выделения УССР из состава России нет. Роза Люксембург писала: *«Украинский национализм в России был... не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентиков, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством... И такую смехотворную штуку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д.»*^[30].

Критики ленинской национальной политики предупреждали, что эксперименты по созданию отдельных национальных республик могут впоследствии привести к проблемам. Однако партийное руководство уверенно и неотвратно взяло курс на украинизацию Украинской Советской Социалистической Республики, куда были включены как Малороссия и Слобожанщина, регионы, которые с определенной долей условности можно было назвать украинскими, так и Новороссия с Донбассом, которые были полностью русскими областями как по составу населения, так и по культуре.

Этому было два объяснения. Во-первых, большевики всерьез верили в мировую революцию, которая уничтожит государства и нации, а потому планировали, что к Союзу будут присоединяться все новые и новые республики. Так что построение СССР не как единого государства, а как объединения независимых советских стран было выгодно с точки зрения пропаганды. Мол, после мировой революции будет не присоединение новых провинций к конкретной стране, а добровольное объединение многих в братский союз пролетарских государств.

Во-вторых, значительная часть большевиков-интернационалистов видела в русском народе своего врага. Ведь строя свой новый мир, большевики уничтожали «старые порядки» – политический, экономический, духовный и культурный строй дореволюционной империи^[31]. То есть все то, что создал русский народ. Естественно, что они наносили удар по «русским великодержавным шовинистам», и в этом их союзниками были активисты

украинских национальных организаций.

Кроме того, разделив единый народ на русских, украинцев и белорусов, коммунисты применили старый проверенный принцип: разделяй и властвуй. Теперь в случае новой войны или других социальных потрясений им было легче удержаться у власти, играя на разобщенности народа. Так что созданная в девятнадцатом веке концепция «двух отдельных народов» неожиданно оказалась востребованной. Востребованными оказались и многие из политиков УНР, добровольно вернувшиеся в Советскую Украину. Казалось бы, парадокс: коммунисты, так безжалостно расправившиеся с одними своими противниками – белогвардейцами, других своих противников – украинцев простили и полностью реабилитировали. Однако никакого противоречия тут нет. Многие лидеры большевиков были знакомы с активистами украинских партий еще с дореволюционных времен. Тем более что и те и другие относились к левому лагерю, так что непримиримых идеологических противоречий между ними не было. Поэтому те из активистов Центральной рады и Директории, кто согласился признать доминирование Компартии, могли смело возвращаться из эмиграции, не опасаясь за свою безопасность.

Так поступили экс-глава Рады Михаил Грушевский, ставший в СССР академиком и профессором истории в Киевском государственном университете, экс-лидер Директории Владимир Винниченко, получивший пост заместителя председателя Совнаркома УССР^[32], экс-командующий армией УНР Юрко Тютюнник, ставший преподавателем в Харьковской школе красных командиров. Вслед за этими зубрами украинского дела в Союз потянулись сотни менее значительных персонажей. Кроме того, в УССР оказались тысячи выходцев с Западной Украины, оккупированной Польшей. Современный исследователь Елена Борисенко в книге «Феномен советской украинизации»^[33] приводит выдержку одного из писем М.С. Грушевского, в котором численность людей, переехавших из Галиции в УССР, в 20-х годах оценивается в 50 тыс. человек.

Все эти люди стали активными проводниками украинизации в УССР. Хотя надо отметить, что подобная политика проводилась не только в УССР. В 1923 году была разработана и начала воплощаться в жизнь политика «коренизации», согласно которой Россия была разделена на национальные республики и автономии. Партией ставилась задача ускорить экономическое и культурное развитие нерусских народов. Поэтому ускоренным темпом готовились национальные кадры, которым предоставлялись всевозможные льготы и привилегии, проводилась дерусификация госаппарата, на базе местных диалектов создавались новые языки. Для тех народов, у которых не было собственной письменности, советские лингвисты ее разрабатывали на основе кириллицы или латиницы. Глобальная украинизация, о которой мечтали деятели УНР, началась в середине двадцатых годов уже при советской власти и длилась фактически до войны. Михаил Грушевский в это время писал: *«Я тут, несмотря на все недостатки, чувствую себя в Украинской Республике, которую мы начали строить в 1917 году»*.

Надо обратить внимание еще на одно социальное преобразование, проведенное большевиками. К моменту окончания Гражданской войны практически половина населения страны была неграмотной. Поэтому большевики начали всесоюзную борьбу с неграмотностью. Была разработана программа обучения, включающая в себя чтение, письмо и основы математики. При этом для взрослых учащихся сокращался рабочий день с сохранением заработной платы. В УССР система всеобщего обучения проводилась через общество «Геть неписьменність», созданное в 1923 году. Кроме того, в 1930 году было

введено всеобщее бесплатное начальное обучение, то есть основа дожившей до наших дней школьной системы. К 1936 году уже 85 % населения Украины было грамотным. Если бы Советская власть была заинтересована в русификации Украины, как это сейчас часто пытаются представить, то о лучшей возможности не приходилось бы и мечтать. Людей надо было просто изначально учить читать и писать на общерусском языке, однако коммунисты на Украине учили людей литературному украинскому языку. При этом сам украинский литературный язык во многом именно в это время и создавался на основе малорусских диалектов.

У нас политика «коренизации» получила название «украинизации» и во многом определила всю дальнейшую судьбу республики. Ее началом можно считать апрель 1923 года, когда VII конференция КП(б)У приняла решение об украинизации госструктур и предприятий, которую планировалось закончить до 1 января 1926 года. Но при этом было решено не прекращать борьбу с «буржуазным и мелкобуржуазным национализмом».

Особенно усилилась украинизация после избрания в 1925 году на пост первого секретаря ЦК КПУ Лазаря Кагановича, при котором пост наркома (министра) просвещения УССР занял один из бывших руководителей Украинской партии социалистов-революционеров (боротьбистов) Александр Шумский. Отныне украинизации подлежали поголовно все служащие всех учреждений и предприятий, вплоть до уборщиц и дворников. Нежелавшие отказываться от родного русского языка или не сдавшие экзамены по мове, увольнялись без права получения пособия по безработице. Вводились платные курсы по украинскому языку и культуре, на которые загоняли жителей края после работы.

В 1927 году наркомом просвещения УССР был назначен старый коммунист, украинский националист и друг Ленина Николай Скрыпник, который в начале 1918 года возглавлял первое Советское правительство Украины. Затем он выполнял комиссарскую работу в войсках, а с 1921 года был наркомом внутренних дел УССР. Получив новое назначение, он стал бороться с противниками украинизации так же решительно, как раньше боролся с контрреволюцией. Украинизировали все и вся: прессу, школы, вузы, театры, учреждения, делопроизводство, штампы, вывески и т. д. Например, в Одессе, где учащиеся-украинцы составляли менее трети, были украинизированы все школы. Был практически уничтожен русский театр. По всей стране создавались комиссии по практическому внедрению украинского языка, именуемые «тройками по украинизации». Профессор Киевского политехнического института Я. Маркович получил год тюрьмы и был выслан в Нижний Новгород «за нежелание читать лекции на украинском языке».

«Украинизация проводилась и будет проводиться самыми решительными мерами... Тот, кто это не понимает или не хочет понимать, не может не рассматриваться правительством как контрреволюционер и сознательный либо несознательный враг советской власти», — писал Скрыпник. Вместе с тем, разумеется, вовсе не все большевики двадцатых годов были фанатами украинизации. Елена Борисенко в своем исследовании пишет: «Оппозиция обращала особое внимание на перегибы украинизации в УССР. Так, в начале декабря 1926 г. Ю. Ларин направил в редакцию «Украинского большевика» статью, в которой обрушился на «перегибы национализма» на Украине. Резкой критике подверглись проявления «зоологического русофобства» в общественной жизни. Речь шла не столько о литературе (статьях Хвильевого), сколько о принудительной украинизации русскоязычного населения Украины. По мнению Ларина, совершенно недопустимо «устранение русского языка из общественной жизни (от собраний на рудниках и предприятиях до языка надписей в кино)»;

переход профсоюзов на украинский язык, которого не понимало подавляющее большинство рабочих; применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения, и т. п. С аналогичных позиций критиковали национальную политику КП(б)У известные оппозиционеры Г.Е. Зиновьев и В.А. Ваганян. Весьма характерно заявление Зиновьева о том, что украинизация «льет воду на мельницу петлюровцев», что вызвало взрыв негодования среди украинских сторонников Сталина».

Однако, несмотря на все протесты, украинизация продолжалась. Украинский политолог Владимир Корнилов приводит следующие данные. В русскоязычном Донбассе в 1923 году издавалось 7 журналов, из которых 5 выходили на русском языке, и 9 газет, из которых 8 издавались на русском, а одна – на двух языках одновременно. В 1934 году в Донецкой области из 36 местных газет 23 были полностью украиноязычными, 8 были на 2/3 украиноязычными, 3 издавались на греко-эллиническом языке. Русских газет осталось всего лишь две^[34].

При этом «...партийные органы постоянно жаловались на то, что жители Донбасса упорно не хотят покупать украиноязычную прессу, несмотря на насильственную подписку, на обязательные продажи этих газет через партячейки. Многие газеты, дабы выживать, вынуждены были маскироваться: они печатали заголовки на украинском языке, а содержание статей – по-русски. При этом отчитывались о том, что они, мол, частично украинизированы. Некоторые проверяющие закрывали на это глаза, а некоторые наказывали редакторов... Жители Донбасса читать по-украински не желали – благо, была возможность подписываться на всесоюзную прессу. Отчеты проверяющих констатировали ситуацию в Сталинской области: «Издающаяся на украинском языке газета «Коммунист» – орган ЦК КП(б)У распределяется по разверстке и ее не читают»^[35], – пишет политолог...

Однако власть, не стесняясь в средствах, продолжала свое дело. Для примера – только одно из массы постановлений по этому поводу: в июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации», при этом прокуратуре поручалось проводить показательные суды над «преступниками». В 1932 году в Мариуполе, одном из самых интернациональных городов Донбасса, не осталось ни одного русского класса в школах.

Русскоязычное образование было фактически разгромлено и запрещено. На 1 декабря 1932 года из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6 %) были украинскими, а еще 207 (9,3 %) – украинско-русскими. К 1933 году в Донбассе были закрыты все русские педагогические техникумы – русскоязычных учителей негде было готовить^[36].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

В том же бою участвовали и сечевые стрельцы.

По оценкам Центральной рады, осенью 1917 года в русском плену находилось около 10 000 галичан.

Украинские сечевые стрельцы (УСС) – воинская часть австро-венгерской армии из этнических галичан.

В оккупационную зону австро-венгерских войск входили южные районы Украины с Одессой и Херсоном.

Данные взяты из работы А. Иванова «Кто и как продавал Украину?». <http://ipy.dn.ua/index.php?new=16393>

Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. – Харьков: Фолио, 2006. – 415 с.

Например, по требованию немецкого командования было разоружено Вольное казачество, которое могло помешать германским планам эксплуатации Украины.

Обороной Бирзулы командовал легендарный матрос-анархист Железняк.

Стоит отметить, что почти треть избранного на съезде ЦИК Советов УНР составляли представители Советов Донецко-Криворожской области, а Артем вошел в состав Народного Секретариата (правительства) этой советской УНР.

Донецкий регион был назван так из-за названия реки Северский Донец, а город Донецк получил свое название уже при Хрущеве.

Царицын – современный город Волгоград.

В правительство республики (Совет народных комиссаров) вошли 8 большевиков и 4 левых эсера.

Федюшин Олег. Украинская революция. – М.: Центрполиграф, 2007. – 333 с.

<http://varjag-2007.livejournal.com/3672396.html>

Кроме Украины, немцы оккупировали Прибалтику, Беларусь и Кавказ.

<http://www.edrus.org/content/view/6512/68/>

Соответственно Первая и Вторая украинские повстанческие дивизии.

Общая численность украинских сил в этот период, учитывая тыловые части и гарнизоны, оценивается в 80–85 тыс. человек.

В этот же день в бою против Галицкой армии погиб известный украинский большевик Николай Щорс.

А что, собственно, бойцам УГА еще оставалось делать после того, как Петлюра предал их, отдав их малую родину полякам? Когда Деникин потерпит поражение, галичане оставят его и в начале 1920 года перейдут на сторону большевиков, но уже через несколько месяцев выступят против коммунистов. Их восстание было быстро разгромлено, после чего УГА как военная сила прекратила существование.

Еще в декабре 1917 года Великобритания и Франция разделили территорию России на сферы влияния. Украина попала во французскую зону.

Цитирую по книге: Иванов А. Кто и как продавал Украину.
<http://www.novorossia.org/politika/2469-kto-i-kak-prodaval-ukrainu.html>

Напомню, что в то время и поезда, и корабли приводились в действие паровыми двигателями, которые работали на угле.

Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. http://www.dk1868.ru/history/krizis_dobr.htm

Фронт состоял из Первой конной армии, 12-й и 14-й общеоармейских армий. Членом Реввоенсовета фронта был Сталин.

При отступлении поляки взорвали три моста через Днепр, в том числе Николаевский цепной мост и мост Струве – первый цельнометаллический железнодорожный мост через Днепр.

Из-за этого решения войска Западного и Юго-Западного фронтов начали наступать в расходящихся направлениях.

В украинской историографии эти события получили название Второго зимнего похода армии УНР.

Шварцбард был родом из Измаила, и его семья также пострадала во время этих погромов.

Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 22–23.

Помимо создания новой пролетарской культуры и искусства, существовали планы ввести для русского языка латинский алфавит, чтобы еще больше оторвать советскую культуру от русской и, наоборот, приблизить ее к Европе, с которой планировалось объединение после мировой революции.

Обидевшись на то, что его не ввели в состав Политбюро КП(б)У, Винниченко затем снова эмигрировал. Однако в УССР его продолжали считать пролетарским писателем и даже в 1926–1930 годах выпустили собрание его сочинений.

Борисенок Елена. Феномен советской украинизации. – М.: Европа, 2006.

<http://kornilov.name/na-kakom-yazyike-izdavalis-gazetyi-donbassa>

<http://kornilov.name/na-kakom-yazyike-izdavalis-gazetyi-donbassa>

<http://kornilov.name/tag/ukrainizatsiya/>